

A

ФИОНА МАРУХНИЧ

18+

ЕЁ КРОВЬ
РАЗБУДИТ
ЗВЕРЯ

Клеймо
ЗВЕРЯ

Фиона Марухнич Клеймо зверя

<https://litres.ru/74482993>

Аннотация

Моя жизнь полетела к чертям, когда я узнала, кто я на самом деле. И тут, как гром среди ясного неба, явился он – Герман Зверев, альфа стаи, которую мой клан считает консервативными идиотами. В его глазах – ненависть, смешанная с безумной одержимостью, ведь я – его истинная пара! Проклятие, от которого ему никогда не избавиться. Я, со своей дерзостью, согласилась стать его пленницей, думала, поиграю с ним, подразню, попровоцирую. Но дерьмо случается – игра зашла слишком далеко, и теперь не поймешь, кто кого пленил. Отдаться зверю значит потерять себя, или... обрести?

В тексте присутствуют:

☆★ Откровенные любовные сцены – Страсть, граничащая с безумием. Одержимость – Он не отпустит. Никогда. Его желание – тюрьма и воздух, который она ненавидит и без которого уже не может дышать. Юморная и дерзкая героиня – Она не жертва. Она – искра, которая смеётся в лицо опасности, даже когда сердце колотится в страхе. Её верная собака – Не просто питомец, а единственное существо, которому она доверяет в этом мире. ✨ Острый сюжет – Клановые войны, скрытые тайны, игра на выживание, где каждый шаг может стать последним.

Готовы ли вы погрузиться в мир, где любовь – это проклятие, а свобода – иллюзия?

Книга участвует в литмобе, "Во власти Альфы"

☆☆ ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ! ☆☆

Чтобы эта история (и те, что ждут своей очереди в моих закромах!) могла развиваться и находить своего читателя, мне **ОЧЕНЬ** нужна ваша поддержка прямо здесь и сейчас:

★ ЗВЁЗДОЧКИ

КОММЕНТАРИИ

ПОДПИСКА НА МЕНЯ

Ваш лайк, комментарий или подписка – это не просто клик. Это волшебный пендель для моего вдохновения и сигнал вселенной, что наши с вами истории нужны!

Содержание

От автора	5
Пролог	7
Визуал: Герман	17
Визуал: Элла	18
Глава 1. Элла	19
Глава 2. Элла	31
Глава 3. Элла	45
Глава 4. Элла	57
Глава 5. Элла	70
Глава 6. Герман	91
Глава 7. Герман	108
Глава 8. Герман	125
Глава 9. Элла	144
Глава 10. Элла	160
Глава 11. Элла	181
Конец ознакомительного фрагмента.	183

От автора

Эта книга – дань уважения тем ностальгическим историям, что заставляли нас прятаться с фонариком под одеялом: «Сумеркам», «Дневникам вампира» и им подобным. Здесь вас ждёт гремучая смесь мрачной романтики, мистической атмосферы и щедрой порции одержимости – как эмоциональной, так и вполне... телесной. Да, будут откровенные сцены, будет тьма, но и чёрный юмор тоже прокрадётся меж строк – ведь даже в самом мрачном замке иногда скрипит смешная дверь.

Приятного (и немного одержимого) чтения!

Пролог

Глухие удары сердца отдаются в висках, каждое биение – новый прилив ярости. Руль в моих руках превращается в рычаг, который я готов сломать. Пальцы сжимаются до белых костяшек, стараясь удержать в узде ту бурю, что рвётся изнутри. Я – Альфа, мой долг – спокойствие, контроль. Но сейчас это чертовски сложно. Ведь из-за какого-то придурка из соседней стаи, член моей собственной стаи теперь под

угрозой. Угрозой чего-то, что является самой сутью нашего существования.

Этот мелкий ублюдок, Роман, кажется, из той самой ненавистой мне стаи, устроил такую ситуацию, что Регина, дочь моей сестры, может потерять свою связь с волком. Потерять возможность обратиться. Это худшее, что могло произойти, худшее, о чем я мог даже подумать. И если это произойдёт по вине этого ничтожества, я лично прикончу его. Плевать, что он сам ещё ребёнок, только-только обращённый. Эта стая – позор для нашего рода. Они трахаются с людьми, запечатляются с ними, словно это естественно. Извращенцы. Чёртовы ублюдки.

Рядом сидит Дэн, мой верный помощник. Он тут, наверное, только для того, чтобы я не сорвался. В волчьем облики ярость накрывает мгновенно, без предупреждения, и тогда контроль теряется напрочь.

— Полегче, Герман, — гремит его голос, прорываясь сквозь пелену моих мыслей, — Ты так кого-нибудь задавишь.

— Да я бы с радостью задавил кого-то из них, — вырывается из меня, — Они же все там – сплошь извращенцы... Ты правда считаешь их нам ровней?

Я пытаюсь успокоиться, но это бесполезно. Ничего не работает, только подстёгивает этот огонь внутри. В зеркале заднего вида я вижу машины моих ребят. Они окружили меня, встали щитом. Мы здесь, вместе. Как всегда. Как мушкетёры

— «Один за всех и все за одного».

— Они нам не ровня, это да... но что ты собираешься делать? — Дэн задаёт вопрос, который я сам себе задавал тысячу раз за эту чёртову поездку.

Я хмыкаю, мой взгляд прикован к расстилающейся впереди ленинградской глуши.

— Кровь за кровь, — отвечаю, и каждое слово отдаётся эхом в моей груди. — Хочу получить его голову. Регина в больнице, значит... нам пригодится этот мелкий сосунок.

Мы подъезжаем к посёлку. Это не просто деревня, это иллюстрация богатства и власти, которую скопила эта стая. Огромные, внушительные особняки, утопающие в снегу, с дорогой, вымощенной гранитом, вдоль которой тянутся ряды изысканных фонарей. Улицы здесь словно пропитаны чувством превосходства, и каждый дом — крепость, отражающая статус его владельца. Местные жители, не знающие о нашем существовании, живут своей обычной жизнью прямо по соседству.

Вдали, окутанный туманом и сумраком, возвышается их главный особняк. Бетон, стекло и сталь, возведённые в абсолют. Он — символ их стаи, их власти, их самодовольства. А вокруг — целая улица, превращённая в их личное пространство, где соседние дома, словно верные прислужники, вторят величию главного.

Наконец, машина резко останавливается, шины скользят по укатанному снегу. Двери открываются, и мои люди вы-

ходят следом за мной, как единый механизм, окружая меня плотным кольцом.

Я – Альфа, я – сила, я – воплощение гнева.

Огромные ворота, словно створки ада, медленно отъезжают в стороны. Они почувствовали нас. Я знаю это. Они почувствовали запах крови, запах приближающейся смерти, ещё задолго до того, как наши машины появились на горизонте.

В моем горле поднимается предвкушение. Ухмылка, холодная и зловещая, расплзается по лицу.

Представление начинается.

Или... война.

Сердце замирает на мгновение, когда я вижу их. Десяток фигур, выстроившихся перед воротами. Мужчины, крепкие, но явно уступающие нам в мощи. И женщины... Женщины, выставленные вперёд, словно живой щит.

Я кривляюсь. Слабаки. Или у стаи Беловых настолько всё плохо с обращёнными, что они вынуждены прятаться за спинами своих женщин?

Для людей они – Беловы. Но мы знаем их истинную сущность – белоснежные, огромные волки, не уступающие нам по размеру, одни из самых древних видов, которые когда-либо существовали на земле. А они превращают себя в отребье, смешиваясь с людьми, запечатляясь с ними. Ещё несколько таких «кровосмешений», и обращений у них будет не просто через одного, а практически никого.

Из их рядов выходит мужчина. Не старый, как и все мы, ведь мы стареем медленнее людей и живём дольше. Но главная особенность в нашей силе, скорости, регенерации. И всё это они хотят променять на кровосмешение с людьми? Они — безумцы.

Его взгляд, наполненный смесью вызова и настороженности, устремляется на меня.

— Чего вам нужно? — раздаётся эхом голос, принадлежащий, я уверен, вожаку этой жалкой стаи, Александру Белову. — Мы не звали вас, так что, проваливайтесь отсюда!

Я усмехаюсь, наблюдая, как его глаза вспыхивают янтарным огнём, но лишь на миг. Присматриваюсь, пытаюсь уловить их сущность. И да... кто-то из их стаи является оборотнем, кто-то, судя по всему, либо вовсе не оборотень, либо латентный. Но многие из них, даже те, кто не является оборотнем по сути, обладают белобрысами, почти белыми волосами.

«Остатки древней крови», — думаю я, продолжая сканировать их.

— Мы пришли за головой Романа, — мой голос звучит низко и угрожающе, как рычание хищника. — И если вы попытаетесь нас остановить, не удивляйтесь, если вся ваша жалкая стая пойдёт следом за ним.

— Я не отдам сына, — коротко заявляет Александр, глядя мне прямо в глаза. — И если вы хотите сражаться, ну что ж... я готов...

— Превосходно, — мой голос спокоен, но внутри кипит предвкушение. Я делаю шаг вперёд, не отводя взгляда. — Я только этого и ждал, собственно.

Чувствую, как сила наполняет меня, разливается по венам, пробуждая древние инстинкты. Оборачиваюсь к своим — они едины, готовы, каждый, до последнего. Сражаться за нас, за кровь, за волчий закон, который сейчас обретает новую, первобытную силу. Я вижу, как их стая напрягается, готовая к превращению. А я... я готов как никогда.

— Постойте! Остановите этот бред! — внезапно раздаётся голос мальчишки.

Он вырывается вперёд, проталкиваясь сквозь своих сородичей, с видом победителя, а не побеждённого. На его лице нет ни тени страха.

— Рома! — рычит Александр, его рука молниеносно хватает сына за плечо. Глаза его уже полыхают янтарным пламенем. Но этот юнец, этот «сосунок», как я его мысленно называю, даже не думает отступить. Он идёт прямо ко мне, дерзко, не сводя глаз.

Интересно. Крайне занимательно.

— Я готов отправиться с вами, и понести то наказание, которое заслуживаю, — произносит он, и в его голосе звучит неожиданное достоинство.

Чёрт возьми, я даже чувствую некое уважение. Да, этот ублюдок виновен в том, что Регина теперь в больнице, её состояние оценивается как стабильно-тяжелое. И всё же... этот

юнец не дрожит, отвечая за свои поступки, а это, признаю, уже что-то. Я оцениваю его с головы до ног: крепкий, бело-брысый, как и все они. Возможно, он пригодится.

— Отлично, — отвечаю я, стараясь не выдать своего нового интереса. — Будешь ехать со мной и подчиняться мне во всем. Отныне я — твой новый Альфа.

Александр вырывается вперёд, я чувствую, что он на грани. Ещё мгновение, и его волк прорвется наружу, и тогда... да, тогда мы сцепимся не на жизнь, а на смерть.

— Я сказал, проваливай отсюда! — его голос дрожит от ярости, но в нем звучит и отчаяние. — Сын с вами никуда не поедет! А если ты хочешь крови, что ж... мы сдохнем тогда сегодня все вместе. И чем ты лучше сделаешь для всего нашего рода, что кровь наша прольётся так бессмысленно?

В этот момент, звук, похожий на звон стекла, пререзает напряжённую тишину.

— Я пойду вместо него, — раздаётся звонкий, почти детский голосок.

Все взгляды, моей семьи, и мой собственный устремляются наверх, туда, где раздаётся этот звук. На чёртовом балкончике стоит девушка. Чёрт возьми, кто такая эта чертовка вообще? Она выглядит... как недоразумение. Да. Скорее да, чем нет.

Одета в рваные джинсы и топ, которые выглядят так, будто она их стянула с кого-то на распродаже, на ногах — мартинсы. Её белоснежные, такие же, как у всех Беловых, воло-

сы торчат во все стороны, будто она не прикасалась к расчёске неделю. На губах – жвачка, которую она раздувает, с громким хлопком.

Непроизвольно делаю глубокий вдох и... до меня доходит её запах. Слабый, едва уловимый сквозь запах снега, бетона и злости. Что-то сладкое, как дикие ягоды, смешанные с... дешёвой жвачкой? Он врывается в ноздри, обжигает горло, ударяет прямо в мозг. Зверь внутри, который только что рычал в предвкушении боя, замирает на мгновение, а затем срывается с цепи.

МОЯ.

Мысль не звучит. Она взрывается. Примитивная, всепоглощающая, вытесняющая всё остальное. Не рассуждение, а закон, выжженный в подкорке.

МОЯ. ТОЛЬКО МОЯ.

Это не желание. Это знание. Глубинное, костное, от которого сводит челюсти. Вся ярость, всё презрение к этой стае, весь план мести – всё рассыпается в прах перед этим одним, диким инстинктом.

Зверь бьётся о стенки черепа, рвётся наружу не для драки, а для того, чтобы пометить, окружить, забрать. Чтобы придавить её к земле и зарычать на весь мир, предупреждая: *МОЁ.*

А вторая моя часть, что ещё помнит, зачем пришёл, смотрит на эту девчонку на балконе – на её рваные джинсы, взъерошенные белые волосы и надутую жвачку – и чувствует

ледяную волну чистейшего отвращения. Отвращения к ней, к этой ситуации, к самому себе.

Внутри война. Зверь рычит «*МОЯ!*». Разум кричит «*НЕТ!*». А этот чёртов сладковатый запах уже въелся в меня, став приговором.

Я в полном, абсолютном, беспросветном дерьме.

— Что это за ужас? — шепчу я еле слышно, пытаюсь оторваться от неё.

Но я не могу этого сделать, чёрт... я не могу сделать ничего теперь, ведь она... она...

«Не может быть», — проносится в моей голове мысль, причиняя физическую боль. «Не может быть, это бред, чёртов бред... я никогда не терял *так* контроль».

Хочется выть на луну, но не как волку, а как побитой пси-не, и девчонка замечает мой взгляд. Её улыбка становится какой-то... зловещей. Она — моё наказание.

— Спускаюсь! — улыбается она, снова надувая жвачку так, что она лопается с оглушительным звуком.

Господи... мало того, что она из этой чёртовой стаи, так ещё и у неё нет ни капли той женственности, что всегда меня завораживала в других волчицах. Они — прирождённые хранительницы очага... а это... ходячее недоразумение, от которого я теперь не в силах отказаться. Как бы не хотел.

— Элла! — рычит Александр, в предупреждающем тоне, но девчонка не слышит его.

Она уже скрылась, явно для того, чтобы окончательно

уничтожить моё терпение. Элла... это имя... я слышал, что она – дочь Александра Белова... внебрачная дочь, которую я никогда не видел, особенно не интересовался, но знаю что она – дочь человека!

Внутри меня поднимается самая настоящая буря. Буря из отчаяния, ненависти, негодования...

Как вообще возможно, что эта... Элла, моя – истинная пара?

Визуал: Герман

Визуал: Элла

Глава 1. Элла

Пять лет назад

Капли дождя яростно барабанили по оконному стеклу, превращая пейзажи Ленинградской области за окном автомобиля в размытые, унылые пятна серости. Чувствую себя паршиво, и это ощущение лишь усиливается с каждой минутой, проведённой здесь.

«Лишь бы больше никогда не видеть этого места», — про-

носится мысль, пока я машинально рисую что-то в своём блокноте, пытаюсь отвлечься.

Отец, Александр Белов, сидит на переднем сиденье, устремив взгляд вперёд, с такой сосредоточенностью, будто готовится к кругосветному путешествию, и намерен по пути собрать всех наших, а в нашем случае – его, родственников. Интересно, он справится со всей этой семейной географией, или ему понадобится отдельная карта с пометками «здесь живут родные», «вот здесь, кажется, двоюродный дед»?

Мама... её больше нет. И теперь я одна, если не считать бабушку и дедушку. Они, увы, не захотели взять меня на воспитание. Считали, что русский отец – это позор для их семьи, несмываемое пятно, особенно для моей мамы – финки. Можно сказать, клеймо на всю жизнь. А я – яркое тому доказательство.

Вспоминаю, как мы с мамой отмечали праздники в Финляндии. Помню, как мы зажигали свечи на рождественском столе, она учила меня петь колядки на финском, а я наивно верила, что это волшебные заклинания. Или летние дни на берегу озера, когда мы пускали бумажные кораблики, мечтая о далёких странах. Она всегда говорила, что вера в мечту – это как топливо для души. И вдруг... её не стало. Остановка сердца. Так банально, так внезапно.

Перевожу взгляд на отца, и в этот момент меня пронзает странная мысль: почему мои волосы такие же, как у него? Притрагиваюсь к макушке – волосы белые, почти как снег.

Это так непривычно. Раньше они были обычными, русыми, а теперь... теперь они такие же, как у отца. Это действительно странно. Выглядит так, будто я постарела раньше времени, но нет, это не похоже на обычную седину.

«Вся в своего отца!» — звучит внутренний голос, тот самый, которым бабушка комментировала всё, что ей не нравилось. Хочется кричать, громко, так, чтобы все замолчали, чтобы оставили меня в покое. Но я молчу, погруженная в свои мысли.

— Элла... — начинает отец, и я снова поднимаю на него взгляд.

И почему он выглядит так молодо? Мама говорила, ему как минимум сорок пять, а по внешнему виду, кажется, не больше тридцати пяти. Странно всё это.

— ...мы с тобой не так много времени проводили вместе, но сейчас, я уверен, мы сможем наверстать упущенное.

Он бросает взгляд на меня, и его янтарные глаза встречаются с моими. Точно такими же. Ну да, упущенное... Особенно если учесть, что моя мама для него была всего лишь мимолётной интрижкой, которая вдруг забеременела и родила меня. А у него — целая семья, настоящая, с его фамилией. Не то, что я. Элла Берг. Даже имя и фамилия — всё от матери. Всё.

И единственное, что досталось мне от отца... нет, не так... всё остальное, что есть во мне, досталось мне именно от этого человека. Но даже крупницы его любви мне не достались.

У него есть законная жена, не то, что моя мать... покойная. Интрижка, не более. Я отворачиваюсь от него, не хочу с ним говорить.

Этот настойчивый интерес моего, теперь уже законного, отца, словно не унимается, продолжая засыпать меня вопросами. Его взгляд цепляется за мои волосы, и я чувствую, как внутри поднимается волна раздражения.

— Твои волосы... давно стали такими? — звучит его голос, такой непривычный, но в то же время такой знакомый.

Хочется развернуться к нему, крикнуть во всю глотку:

«Какая тебе, к чёрту, разница?!»

Но я лишь сижу, углубившись в свой блокнот, и настойчиво вывожу линию бесконечности. Бесконечность, как и мой собственный бесконечный поток бреда, навязанного мне этим, внезапно объявившимся, отцом. Оставь. Меня. В покое.

— Элла?! — он вырывает меня из моих мыслей.

Я не выдерживаю.

— Тебе так хочется поговорить? — выпаливаю я, пронзая его взглядом.

Он пытается сгладить ситуацию, переводя всё в шутку.

— Мне жаль твоего будущего мужа, кажется... ему сладко спать не придётся...

— А мне его совсем не жаль! — говорю я, отворачиваясь к окну. — Пусть хоть сутками не спит, плевать на него!

Просто оставьте меня в покое. Не трогайте. Я потеряла

мать. Я почти не видела отца за все четырнадцать лет своей жизни. Можно ли мне дальше его не видеть? Ах да... нельзя. Ведь теперь он — мой опекун. Законный отец... бла-бла-бла. Тест ДНК подтвердил это. 99,9% отцовства. Значит, я его дочь. Его кровь.

Делаю глубокий вдох, пытаюсь собраться с мыслями, с чувствами.

— Да... они стали светлеть два года назад, — наконец произношу я, продолжая наблюдать за "прекрасными" пейзажами за окном. — И вот сейчас я уже почти седая, если ты об этом, — добавляю я, и мои пальцы невольно касаются прядей волос, словно ища подтверждения своим словам, словно пытаюсь успокоиться. Да, сейчас мне нужно немного успокоиться.

— Ты разговариваешь почти без акцента, очень хороший уровень владения русским языком. Твоя мать... водила тебя куда-то?

Внутри всё кипит, кричит:

«Конечно, водила! А как же! В отличие от тебя, папочка, она помнила, что у неё был такой замечательный любовник с русской фамилией!»

Но наружу вырывается лишь ровный, безэмоциональный голос. Я даже удивляюсь собственной выдержке.

— Мама хотела, чтобы я знала язык своего отца, — говорю я. — Так что да... я училась.

И снова погружение в тишину. Наконец-то. Надеюсь, он

оставит меня в покое. Хотя бы на какое-то время.

Вот мы и подъезжаем к посёлку. Огромные, внушительные особняки, дорога, вымощенная гранитом, ряды изысканных фонарей, мерцающих в промозглом осеннем сумраке. Красиво, конечно. Но эта красота – унылая, как и сама осень, утопающая в бесконечном дожде. Внешний вид моего нового жилища – огромный дом в стиле модернизма, современный, безликий – вообще никак не трогает. Ничто меня не трогает, потому что всё, чего я хочу сейчас, – это исчезнуть.

Двери машины щёлкают, приглашая на выход. Не дожидаясь, пока отец соизволит помочь мне выбраться из его шикарного авто, я выпрыгиваю сама. Он лишь качает головой, как будто я – непредсказуемое дитя, а не четырнадцатилетний подросток, чью жизнь только что перевернули с ног на голову.

И вот. Ворота медленно открываются, и я вижу их. Всё семейство. Моё новое семейство.

— Чертовщина какая-то, — шепчу я, чувствуя, как неловкость накатывает с новой силой.

Люди... точнее, женщины... и несколько мужчин. Практически все с белоснежной головой, такой же, как у моего отца, как у меня. Это что, какое-то проклятие, распространяющееся по наследству? Одно на всех? Глаза бегают по лицам. Те, кто не выглядит столь... по-зимнему, по виду – обычные, как будто с улицы. И, слава богу, хоть кто-то не ослепляет этой неестественной белизной.

Но куда больше меня настораживают взгляды тех, чьи волосы – такой же белоснежные, как мои. В их глазах – странная настороженность. Они изучают меня. Не просто смотрят, а изучают, как неведомое существо. И, что ещё более странно, они... принимаются?

Я невольно опускаю голову, пытаюсь уловить собственный запах. Ничего. Обычный запах подростка, смешанный с ароматом дождя и автомобильного кресла. Тогда почему они выглядят так, будто чувят меня за километр? Чувствуют какую-то мою... непохожесть? Или, наоборот, какую-то пугающую схожесть? Странное семейство, с этим монструозным домом и мне предстоит жить с ними под одной крышей. Что может быть ужаснее?

Стою, оглядываясь по сторонам, и чувствую себя совершенно потерянной. Не успела я ступить на землю этого места, как ко мне подходит женщина. И первое, что бросается в глаза – её волосы. Белоснежные, точно такие же, как у моего отца. Сердце на мгновение замирает. Неужели они родственники? Может, дальние? Или... моя фантазия разыгралась не на шутку, но мысль не уходит: а не может ли она быть... его женой? И почему у неё такие же волосы? Это какая-то модная тенденция, о которой я не знаю? Или они брат и сестра? От такой мысли меня передёргивает, и я невольно кривляюсь.

Моя мимика, видимо, не остается незамеченной. Женщина, заметив мой взгляд, приветливо улыбается, и эта улыбка

кажется какой-то... слишком уж знающей.

— Ты ведь Элла, верно? — её голос звучит мелодично, но в нём нет той фальшивой сладости, которая бывает у незнакомых людей.

Я, пытаюсь скрыть своё замешательство, отвечаю с лёгкой долей сарказма:

— Вы такая догадливая, это так очевидно?

Женщина усмехается, и кажется, будто она только что прочла мои мысли.

— Не волнуйся, — говорит она, — мы с твоим отцом не кровные родственники. Я — его законная супруга. А здесь живут самые близкие ему люди.

— Ещё есть... другие? — я хмурюсь. И так народу полно, словно в улей какой-то забралась. Все эти незнакомые лица, взгляды...

— Почти вся эта улица, — отвечает она с той же загадочной усмешкой, — принадлежит нашей семье.

— Нихрена себе! — вырывается у меня, и я понимаю, что прозвучало это, наверное, довольно грубо.

Отец, стоящий неподалёку, слегка прокашливается.

— Элла, где ты таких слов нахваталась?

Я лишь усмехаюсь в ответ.

— Если вам сказать, вы сами захотите узнать.

Женщина снова улыбается.

— Можешь звать меня... Амелия. Пойдём, я покажу тебе твой новый дом.

Я оглядываюсь на отца, ожидая какой-то поддержки, но он лишь кивает.

— Иди, Элла. Не бойся. Тебя здесь никто не обидит.

«Никто не обидит...», — думаю я, но внутри всё сжимается.

Потому что эти взгляды... они меня пугают. Каждый, кто проходит мимо, смотрит так, будто я — дикая зверушка, готовая наброситься в любой момент. Этот странный, настороженный, хищный взгляд... он мне совсем не нравится. Хочется развернуться и улететь обратно в Финляндию, подальше от всего этого.

Глубоко вздохнув, чтобы хоть как-то успокоиться, я плетусь за Амелией, чувствуя на себе десятки пар глаз.

Хочется крикнуть: «Хватит пялиться!»

Но я сжимаю зубы и продолжаю идти. Отец, не отставая, следует за нами.

Мы заходим в дом. Интерьер поражает своей лаконичностью и масштабом. Просторное пространство, высокие потолки, панорамные окна, сквозь которые проникает серый свет. Чистый лофт, модерн, но при этом всё выполнено с невероятным вкусом и дорогими материалами. Очень стильно, ничего не скажешь. И, признаться честно, я думаю, что неплохо они тут живут. Интересно... на какие деньги? Такое ощущение, что этот дом — просто вершина айсберга. И, наверное, я узнаю об этом позже.

Амелия замедляет шаг, останавливаясь в просторном хол-

ле.

— Твоя комната находится на втором этаже, — говорит она, и в её голосе появляется какая-то новая нотка, какая-то... не знаю, как её описать, отстранённая, что-ли. — Она будет для тебя прекрасным укрытием.

Александр, мой отец, на этот раз хмурится, и его лицо становится напряжённым. Он резко хватает Амелию за руку, заставляя её остановиться, и говорит мне спокойным, на первый взгляд, голосом. Но я чувствую его напряжение.

— Элла, мы сейчас подойдём.

Он отводит Амелию чуть дальше, за угол, явно для того, чтобы их не было слышно, и закрывает за собой дверь. Я понимаю, что это какой-то важный разговор, и, честно говоря, мне не хочется его упускать.

Оглядываясь по сторонам, я понимаю, что остальные члены этого странного семейства, словно растворились в воздухе — никого не видно. Тихонько, стараясь не издавать ни звука, я подхожу к двери и прислушиваюсь.

— ...должна находиться как можно ближе к нам! — Александр рычит, и в его голосе слышится неприкрытое бешенство. — Она должна быть под нашим присмотром!

— Ты хочешь, чтобы девочка узнала наш секрет? Чтобы впала в безумие? Ты в своём уме? — Амелия отвечает с явным раздражением, её голос становится резче.

— Она и так узнает! — кричит он. — Особенно... особенно если обратиться сама! Ты видела, какие у неё волосы?

В ней живёт такая же волчица, как и у тебя, Амелия!

Сердце замирает, а потом начинает биться чаще. "Волчица"? "Обратится сама"? Что за бред? О чем они вообще говорят?

Я чувствую, как холодный пот стекает по спине.

«Так и знала, что попала в психушку», — проносится мысль.

И тут, прямо за спиной, раздаётся тихий, но отчётливый голос:

— Подслушивать – не очень-то и вежливо!

»»————— * —————«««

Дорогие читатели, книга выходит в рамках моба "Во власти альфы".

Другие книги моба вы можете посмотреть здесь:

<https://litnet.com/shrt/6bCu>

Глава 2. Элла

Я оборачиваюсь резко, как ужаленная, и сердце на миг замирает в груди. За спиной стоит мальчишка – лет десяти, не больше, с растрёпанными белоснежными волосами, которые кажутся выцветшими на этом сером осеннем свете, проникающем сквозь панорамные окна. Его глаза – точь-в-точь как у отца, как у меня: янтарные, с этим странным, золотистым отблеском, будто в них заперт кусочек заката. Но в его

взгляде нет той настороженности, что у взрослых; он пылает любопытством, чистым, детским огнём, который заставляет его казаться одновременно милым и раздражающе пронизательным. Он скрещивает руки на груди, пытаясь выглядеть строгим, но уголки его губ подрагивают от едва сдерживаемого смеха.

— Подслушивать — не очень-то и вежливо! — повторяет он, понижая голос до шёпота, словно боится что нас услышат.

Я выпрямляюсь, чувствуя, как жар приливает к щекам — не от стыда, а от злости на то, что меня поймали. Этот малец думает, что может меня отчитывать? Я только что услышала такое, от чего мир вокруг качнулся, как в кошмаре: "волчица", "обратиться сама"... Бред сумасшедших, достойный отдельной палаты в психушке. Взрослые там, за дверью, спорят обо мне, как о какой-то бомбе с часовым механизмом, а этот пацанёнок лезет со своими нравоучениями. Нет, ну серьёзно, кто он вообще такой?

— Подслушивать нехорошо, если речь идёт о ком-то другом, — шепчу я в ответ, стараясь звучать твёрдо, хотя голос слегка дрожит от прилива злости. — А сейчас речь шла обо мне, так что я считаю, что имею полное право знать правду. Тем более в том случае, когда взрослые совершенно не хотят со мной делиться хоть чем-то.

Я прожигаю его взглядом, пытаюсь передать всю свою ярость:

«Уйди отсюда, мелочь, пока я тебя не покусала».

Я серьёзно готова к драке — если придётся, вцеплюсь в него, как дикая кошка, но отступать не собираюсь. Этот дом, эти люди, их секреты — всё это уже душит меня, и я узнаю, что происходит, даже если придётся вытрясти это из каждого белоголового здесь.

Мальчишка насупливается, его брови сходятся в упрямой складке, и я вижу, что он не разделяет моё мнение ни капли. Он выглядит так, будто привык спорить с такими, как я.

— Идём! — внезапно говорит он, хватая меня за руку крепкой хваткой, которая совсем не вяжется с его возрастом.

Он тянет меня прочь от двери, пытаюсь увести обратно в холл, и его пальцы неожиданно сильные, словно он каждый день доит упрямых коров или выдергивает морковь из земли, не жалея ни себя, ни овоща.

— Да не пойду я! — взвизгиваю я, вырываясь, но он не отпускает, таща меня за собой, как упрямого щенка.

Откуда у него такая сила? Он же ниже меня на целую голову, худенький, с этими белыми волосами, торчащими во все стороны! Я спотыкаюсь, пытаюсь устоять, но мы уже пробираемся по длинному холлу, с его высокими потолками и эхом шагов.

— Да кто ты вообще такой? — возмущаюсь я, шипя сквозь зубы, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания.

Сердце колотится, как барабан, а в голове крутятся обрывки подслушанного: "волчица... в ней живёт такая же волчи-

ца".

Это что, метафора? Или они все здесь чокнутые на теме животных?

Мальчишка не отвечает сразу, просто тащит меня дальше, пока мы не останавливаемся у широкой арки, ведущей в просторную кухню. Она огромная – как целая квартира в моём старом доме в Финляндии, – с мраморными столешницами, блестящими шкафами и несколькими встроенными холодильниками, один побольше другого. Запах свежей выпечки, запечённого мяса и специй висит в воздухе, смешиваясь с лёгким ароматом кофе, и мой желудок внезапно выдаёт предательский рёв, громкий и настойчивый, эхом разносящийся по пустому помещению. Я краснею до корней волос – чёрт, как стыдно! Я есть хочу так, будто не ела две недели, а дорога из аэропорта была вечностью.

— Меня зовут Рома, а ты – Элла, верно? — говорит он наконец, отпуская мою руку и поворачиваясь ко мне с той же любопытной улыбкой. Его янтарные глаза продолжают искриться.

— Вы все здесь такие супердогадливые, прямо-таки у вас сверхспособности, да вы непризнанные гении! — фыркаю я с сарказмом, скрещивая руки и пытаюсь вернуть себе достоинство.

Но внутри всё кипит: этот Рома не понимает иронии, или ему просто плевать? Он смотрит на меня так, будто я – забавная диковинка, цирковой клоун, разыгрывающий пред-

ставление.

Рома кивает, словно мой сарказм — это комплимент, и тут же ныряет к одному из холодильников, открывая его с ловкостью, которая выдаёт, что он здесь как дома.

— Хочешь есть? — уточняет он просто, будто я только что не пыталась его отшить или покусать.

Ему что, плевать на то, что я хочу его задеть, вывести из себя? Или это действительно какая-то суперспособность — иметь колоссальное терпение?

Чего, конечно, не скажешь обо мне. Я стою, борясь с собой, но слюна уже наполняет рот при виде того, что он достаёт: тарелка с нарезанными сырами, свежий хлеб, какая-то миска с фруктами и даже йогурт с ягодами. Запахи соблазняют, мой желудок снова урчит, и я чувствую, как воля слабеет.

— Вижу, ты действительно голодная, — усмехается этот малец, которого так и хочется прибить за его наглость.

Откуда такая самоуверенность?

«Наглый малолетний придурок!» — думаю я, но... чёрт, поддаюсь.

Фыркаю в ответ, пытаюсь сохранить лицо, и сажусь на высокий стул у островка, скрестив ноги.

— А когда женщина голодная, она превращается в настоящую фурию, прямо как ты, так что можем с тобой перекусить.

Я закатываю глаза, но беру кусок хлеба, намазываю его

сыром и откусываю большой кусок. Вкус взрывается во рту – солёный, кремовый, с лёгкой кислинкой, – и на миг я забываю о подслушанном разговоре, о странных взглядах, о белых волосах и "волчице". Рома тоже садится напротив, жуя яблоко, и смотрит на меня с интересом.

— Ты правда из Финляндии? — спрашивает он, и его голос звучит искренне, без подвоха.

Я киваю, жуя, и чувствую, как напряжение чуть спадает. Может, этот малец не такой уж и враг. Но секреты... они никуда не делись. Пока я ем, в голове крутится вопрос: что, если "волчица" – не бред? Что, если это семья не просто странная, а... опасная?

Рома замечает мой взгляд и улыбается шире.

— Не переживай, Элла. Здесь все свои. Даже если ты кушаешься.

Фыркаю снова, но в этот раз с лёгкой улыбкой. Еда помогает, но любопытство жжёт изнутри. Продолжаю жевать очередной кусок хлеба с сыром, всё ещё пытаюсь разобраться в этом вихре ощущений – голод утоляется, но внутри всё равно бурлит, как в кастрюле с кипящим супом.

Рома сидит напротив, хрустит своим яблоком, и его янтарные глаза не отрываются от меня. Этот малец меня бесит и забавляет одновременно – наглый, но беззлобный, как щенок, который грызёт твои тапки, а потом виляет хвостом, ожидая прощения.

Я уже почти готова спросить его прямо:

«Эй, приятель, а что там за "волчица" в подслушанном разговоре? Ты тоже в курсе всех этих семейных тайн, или только взрослые играют в шпионов?»

Но слова застревают в горле, потому что Рома вдруг наклоняется ближе, его белые вихры падают на лоб, и он произносит это с такой невинной ухмылкой, будто делится секретом о грандиозном ограблении банка.

— Ты знаешь, что папа приготовил тебе подарок? — спрашивает он, и я чуть не давлюсь куском сыра, который внезапно превращается в комок в горле.

Кашляю, хватаю ближайший йогурт с ягодами, стоящий на мраморной столешнице, и жадно запиваю, чувствуя, как прохладная кислинка скользит вниз, спасая меня от позора.

Фух, кажется, не сдохла пока ела – и на том спасибо, день без случайной попытки самоубийства за едой уже можно считать удачным.

Сердце стучит, как после спринта, и я вытираю рот тыльной стороной ладони, стараясь выглядеть невозмутимо, хотя внутри всё переворачивается.

— Подарок? — наконец выдавливаю я, голос хриплый от кашля и удивления.

Зачем, чёрт возьми, ему нужно было дарить мне подарки? Какая ему разница? Мы едва знаем друг друга – он, этот дом, эта вся... семья. Рома – получается, мой брат по отцу? Эта мысль бьёт, как пощёчина, и сердце болезненно сжимается, будто кто-то стиснул его в стальном капкане.

У меня никогда такого не было — настоящей, полноценной семьи, с общими завтраками, шутками за столом и подарками на день рождения. Моя мать мертва, была всего лишь его любовницей, тенью в его жизни, а я... я выросла в одиночестве, в холодной финской квартире, где единственным "подарком" были воспоминания и пустота. А теперь я здесь, вынуждена жить с отцом, который, похоже, плодит кучу "законных" детей, как кролик в саду. Не то что я — ошибка прошлого. И как вообще их мать, Амелия, согласилась принять меня в семью? Разве она не злилась на такого мужа-кобеля, на его секреты и побочные плоды? Не укладывается в голове, но, возможно, самое худшее только впереди.

Рома тем временем морщится, и продолжает, совершенно не обращая внимания на бурю, которая разразилась у меня в душе.

Он откусывает своё яблоко с невозмутимым видом и я думаю:

«Малой, ты хоть понимаешь, что твои слова — как бомба под водой? Или ты слишком мал, чтобы замечать такие мелочи?»

Но, кажется, моя маска ледяной королевы сработала — привычная броня из сарказма и холодного взгляда не пропустила внутрь ни тени эмоций.

Я сижу ровно, подбородок вверх, и только внутри всё кипит, как вулкан под ледником.

— Мама, конечно, была против, — говорит он, кривя губы

в гримасе, — это достаточно странный подарок, тем более мы, можно сказать, не сильно выносим такой запах.

Запах? Что за чёрт?

Я моргаю, пытаюсь собраться с мыслями. Надеюсь, это не... не вонючий дырявый носок от его коллекции "сокро-вищ из сада", или, хуже того, банка с ферментированными финскими сосисками, которые воняют, как будто их жевал тролль и выплюнул обратно? А может, это связано с той "волчицей" — какой-нибудь парфюм с ароматом мокрой шерсти и леса после дождя?

— Запах? — переспрашиваю я, пытаюсь собраться с чувствами. — Надеюсь, это не вонючий сыр с плесенью, который пахнет, как носки после недели в кроссовках? Или... не знаю, банка с каким-нибудь сюрстрёммингом? У нас в Финляндии такое есть, но я, честно говоря, никогда не была фанаткой.

Говорю это почти машинально, пытаюсь шуткой прикрыть дрожь внутри. Подарок. От отца. Того самого человека, который годами был лишь тенью в маминых историях, а теперь вдруг решил проявить щедрость. Как будто куском сыра или — что там у него — можно загладить годы молчания, пустоты, вопросов без ответов.

Сердце ноет тупой, привычной болью, но я закусываю губу и смотрю на Рому, стараясь, чтобы в глазах читалось только любопытство, а не эта горечь, которая поднимается к горлу.

Рома фыркает, и в его янтарных глазах мелькает искорка смеха.

— Нет, не сыр и не рыба, — говорит он, откусывая ещё кусок яблока. — Хотя идея с носками неплоха, надо будет запомнить на твой следующий день рождения. Но нет, это что-то... живое.

"Живое".

Слово повисает в воздухе, тяжёлое и странное. Я перестаю жевать. Живой подарок? От отца, который, судя по всему, считает меня какой-то "волчицей"?

В голове сразу возникают образы: щенок? Котёнок? Птенец? Но Рома сказал — "запах". Им "не нравится запах". Что за животное может вонять настолько сильно, чтобы целая семья белоголовых чудиков морщилась?

Откладывая хлеб, внезапно потеряв к нему всякий интерес. В животе тяжелеет, но уже не от голода.

— Живое? — повторяю я, и голос звучит тише, чем хотелось бы. — То есть... животное? Он что, подарил мне хорька? Или енота? Или... — Я замолкаю, потому что фантазия рисует уже нечто совсем дикое: лису? Волчонка? Или, не дай бог, скунса? Нет, это уже паранойя. Хотя после сегодняшнего дня ни в чём нельзя быть уверенной.

И тут из гостиной раздаётся голос отца, предупреждающий, но беззлобный, с лёгкой усталой улыбкой в интонации: — Роман... опять твой длинный язык!

Рома вдруг вздрагивает, пойманный с поличным. Он вы-

прямляется на стуле, его плечи напрягаются, а пальцы судорожно сжимают яблочный огрызок. Он бросает быстрый, виноватый взгляд в сторону голоса, а потом — на меня, и в его янтарных глазах мелькает не раскаяние, а скорее озорное сожаление, что игру прервали на самом интересном месте. Малолетний вертихвост. Он даже губы поджимает, пытаясь сохранить невинное выражение.

— Да я... ничего такого, — мямлит он, отводя взгляд и вертя в пальцах огрызок. — Просто... хотел подготовить.

В дверном проёме появляется Александр. Он не выглядит сердитым, скорее — слегка раздражённым этой детской болтливостью, но в его взгляде, обращённом ко мне, я вижу что-то другое — осторожность, попытку сгладить углы.

— Это правда, Элла, — говорит он, приближаясь к острову и опираясь ладонями о столешницу. — Мы с Амелией решили, что тебе нужен... особенный подарок. Что-то твоё. Чтобы ты чувствовала себя здесь не чужой.

Он делает паузу, изучая моё лицо. Я сижу неподвижно, стараясь не выдавать бурю внутри. Подарок. Чтобы не чувствовала себя чужой. Ирония ситуации могла бы меня расшевелить, если бы не давила грузом.

— Я связался с твоими бабушкой и дедушкой в Финляндии, — продолжает он, и моё сердце делает кульбит. — Спросил, о чём ты мечтала. Они, конечно, нехотят... но поделились.

Мысль пронзает сознание: Как? Как он вообще с ними

разговаривал? Они ненавидят всё, что связано с Россией, с ним, с этим прошлым, которое украло у них дочь. Мамин отец, суровый финн, чьи глаза леденели при любом упоминании «того русского». Бабушка, которая плакала в тишине, глядя на мамины фотографии. Они бы скорее отрезали себе язык, чем стали бы откровенничать с ним. Что он сказал им? Что пообещал? Или пригрозил? Нет, это не его стиль... Или я его просто не знаю?

Голову начинает раскалывать от противоречий. Решаю отложить этот вопрос в дальний ящик, забитый другими тайнами. Потом. Разберусь потом. Сейчас же меня, помимо воли, захватывает другое – щемящее, детское любопытство. Что они сказали? О чём я мечтала?

А потом я сама вспоминаю. Тихие вечера в пустой квартире. Окно, за которым скулил ветер. И моё бесконечное, повторяемое как мантра желание, которое я шептала в подушку, в телефон бабушке, писала в дневнике, зачёркивала, снова писала...

Хочу собаку. Настоящего, преданного друга. Чтобы не было так одиноко.

Слёзы внезапно подступают к горлу, едкие и неожиданные. Я отчаянно моргаю, глядя в стол.

И в этот момент из-за угла коридора раздаётся топот быстрых маленьких лап – неритмичный, азартный, спотыкающийся. Все мы поворачиваем головы.

В кухню врывается вихрь энергии размером с тапочек.

Маленький, пятнистый комок шерсти с торчащими ушами и бешено виляющим хвостом-пропеллером. Щенок. Бордер-колли, судя по умным, ярким глазкам-бусинкам и аккуратному белому «воротничку» на груди.

Он на секунду замирает, озираясь, его чёрный носик вздрагивает, улавливая новые запахи – сыра, яблок, людей. Потом его взгляд падает на меня.

И я, к своему собственному ужасу и восторгу, издаю пронзительный, совершенно детский взвизг. Руки сами тянутся вперёд.

— Ой! — вырывается у меня, и это звучит так глупо и так искренне, что даже Рома хихикает.

»»————— * —————«««

Приглашаю вас в ещё одну крутую историю нашего моба: "Ты здесь лишняя, принцесса" от Марины Бархатовой##
<https://litnet.com/shrt/03eQ>

Глава 3. Элла

«Слава богу, не скунс», — проносится в голове облегчённая, истеричная мысль. И вообще, разве собаки так уж сильно воняют? Да, эта семья и вправду странная, со своими тайнами и «волчицами». Но...

Щенок, поддавшись какому-то щенячьему инстинкту или просто увидев открытые для объятий руки, бросается ко мне. Он подпрыгивает, отталкиваясь неуклюжими задними

лапами от плитки, и я ловлю его, этот тёплый, пушистый, бьющийся жизнью комочек. Он тут же начинает лизать мне подбородок, щёку, нос – быстрыми, шершавыми, мокрыми касаниями.

Я прижимаю его к себе, зарываюсь лицом в его мягкую шёрстку. Пахнет щенком. Теплом, молоком, свежей соломой и чем-то бесконечно добрым и простым. Никакой вони. Только этот чистый, животный, удивительно успокаивающий запах.

И пока этот маленький бордер-колли зализывает моё лицо мокрыми, восторженными поцелуями, а Рома довольно ухмыляется, Александр смотрит на нас с тихой, непривычной улыбкой – и в голове рождается мысль, вытесняя на миг все страхи, подозрения и застывшую обиду:

У меня теперь есть своя собака.

— Не хочешь погулять с собакой? — спрашивает Рома, и я невольно бросаю взгляд на Александра. В его глазах – разрешение, даже поощрение, но я всё равно настороже. Всё-таки я здесь чужая. Новенькая. Если Рома затащит меня куда-то, в какую-нибудь задницу мира, или, я не знаю, мы попадём с ним, к каким-то соседям-оборотням, не дай бог, то вряд ли он окажется "плохим сынком" в глазах родителей. Скорее виноватой окажусь я – старшая, должна была соображать, должна была остановить. Не хочется влезать в неприятности. Особенно сейчас, после этого подарка, который пахнет не вонью, а ловушкой.

«Хотя... посмотрю на их поведение, конечно. Только щенком они меня не задобрят», — проносится в голове, и я чувствую лёгкое, почти коварное удовлетворение.

Ну а что? Они пока не заслужили моего доверия. А я никогда не славилась мягким характером.

— Можете погулять с щенком, — спокойно говорит Александр, и в его голосе звучит лёгкая, почти незаметная усталость. — Нам с Амелией нужно кое о чём поговорить. Всякие мячики и приспособления для собак найдёте в коридоре, где обычно лежат вещи. — Он бросает взгляд на Рому, и тот кивает, будто это давно условленный сигнал. Конечно, он тут всё знает. Этот дом — его территория.

— Тогда погнали! Пойдём играть с твоим щенком! — Рома произносит это с таким восторгом, что кажется, будто подарок сделали ему.

Он уже хватает меня за руку, и я, едва успев подхватить под мышку тёплый, вёрткий комочек, плетусь за ним следом.

Щенок тычется мокрым носом мне в бок, виляет хвостом так, что кажется, вот-вот взлетит. Дом проносится мимо — высокие потолки, панорамные окна, в которых отражается хмурое небо, дорогая, но какая-то безликая мебель. Всё шикарно, современно, бездушно. Я не чувствую здесь себя дома. Возможно, никогда и не почувствую.

Рома тащит меня вперёд, не обращая внимания на моё напряжение. Он просто живёт в этом потоке — щенок, новообращенная сестра, дождь за окном, возможность побегать.

Для него всё просто. Мне бы так.

— Как его назовёшь? — спрашивает он, сбавляя шаг у огромной двери в прихожую.

Я смотрю на щенка, который, устроившись у меня под мышкой, деловито обнюхивает воздух. Его умные глазки-бусинки смотрят на меня с безграничным доверием. Имя... Я об этом даже не думала. Всё произошло так быстро. Нужно что-то... не банальное.

— Локи, — говорю я, и слово звучит твёрдо, чётко, будто всегда хотела так назвать своего щенка. — Назову его Локи.

Рома на мгновение замирает, таща меня за руку.

— Локи? — переспрашивает он, и в его голосе слышится неподдельный интерес, смешанный с одобрением. — Как бог хитрости? Круто. Подходит. Он уже выглядит как тот, кто может устроить конец света.

Я лишь слегка усмехаюсь про себя, не отвечая. Да, подходит. Не просто бог хитрости. А тот, кто всегда играет свои игры, меняет обличья, сеет хаос, но в конечном счёте... является частью чего-то большего. Что-то в этом есть. Для щенка, который появился в моей жизни так же внезапно и странно, как и всё в этом доме.

— Локи, — повторяю я тише, уже для него, и он, будто услышав, перестаёт вырываться и задирает морду, уставившись на меня тёмными, блестящими глазами. В них читается не просто щенячья глупость, а какая-то острая, живая внимательность.

«Да, это я, — будто говорят эти глаза. — И я тебя выбрал».

Рома тем временем дотаскивает меня до ниши в коридоре — стильного встроенного шкафа из светлого дерева. Он распахивает дверцу с привычной лёгкостью того, кто знает здесь каждый угол. Внутри — идеальный порядок, который так контрастирует с бурлящей во мне неуверенностью. Аккуратные стопки полотенец, коробки с игрушками, и целый арсенал для собаки: яркие мячики из ворсистой резины, пушистая летающая тарелка, несколько поводков разной длины и даже крошечный, щенячий комбинезон в сине-белую полоску.

— Вот, — Рома с торжествующим видом вытаскивает мячик со встроенной пищалкой и бросает его на пол.

Локи моментально выскальзывает из-под моей руки, срысывается с места и несётся за добычей, его коготки цокают по паркету, как маленький метроном.

Я наблюдаю за ним, всё ещё стоя как вкопанная. Всё происходит слишком быстро. Подарок. Имя. Теперь вот эта прогулка, на которую я согласилась почти на автомате. Внутри всё ещё клокочет та же смесь — недоверие, осторожность, щемлящая радость от этого тёплого комочка шерсти и глубокая, непроходящая обида. Они думают, что одной собакой можно всё купить? Стереть годы? Сделать так, чтобы я забыла, как мама плакала пока думала, что я не вижу, а я засыпала, представляя лицо отца, которое постепенно стиралось из памяти?

— Эй, стоишь как статуя, — голос Ромы вырывает меня из размышлений. Он уже натягивает на себя лёгкую ветровку, висевшую на крючке. — Бери поводок, надевай куртку. Дождь почти кончился, просто моросит. Локи надо побегать, а то он тут всё разгромит. Папа говорил, он уже умудрился стащить тапок Амелии в свою норку под лестницей.

«Норка под лестницей».

У него уже есть своё место здесь. А у меня?

Я медленно напяливаю на себя куртку, беру с полки зелёный поводок-рулетку. Он холодный и гладкий в руке.

— Он... он уже освоился, — говорю я скорее себе, чем Роме, пристёгивая карабин к крошечному ошейнику на шее Локи. Тот в ответ радостно тычется носом мне в ладонь.

— Да он тут как дома с первого дня, — невозмутимо отвечает Рома, открывая тяжёлую входную дверь. Навстречу нам врывается влажный, свежий воздух, пахнувший мокрой землёй, хвоей и чем-то отдалённо солёным — должно быть, морем. — А вот тебе только предстоит...

Да, он прав, мне действительно нужно освоиться. Дождь действительно почти стих, осталась лишь лёгкая морось, которая оседает на землю мокрой пылью. Рома распахивает дверь, и я выхожу следом, держа Локи на поводке. Свежий, влажный воздух бьёт в лицо, смывая на мгновение тяжёлую атмосферу кухни. Я делаю глубокий вдох.

Оглядываюсь, впервые по-настоящему рассматривая то, что окружает дом. И замираю.

Это не просто участок. Это крепость.

Высокий, гладкий забор, не меньше трёх метров, тянется, очерчивая границы. Он кажется глухим, монолитным, местами увитым каким-то темно-зелёным плющом, который только подчёркивает его неприступность. А ворота... Массивные, кованые, автоматические. Они сейчас приоткрыты ровно настолько, чтобы мы могли пройти, но вид у них такой, будто они в любой момент могут захлопнуться с глухим, окончательным стуком, отсекая внешний мир навсегда. По верху забора тянется аккуратный ряд каких-то датчиков — камеры или что-то ещё. Чувство не покидает меня: отсюда не просто так уйти. И сюда не просто так войти.

«Непроходимая», — думаю я, и в горле снова встаёт комок, но уже другого свойства. Не обиды, а холодной, трезвой оценки. Меня не просто привезли в новый дом. Меня поместили в охраняемый периметр.

— Ну что, выпускаем зверя? — Рома перебивает мои мысли. Он уже достал из кармана ярко-оранжевый мячик.

Я отстёгиваю поводок. Локи, почувствовав свободу, на секунду замирает, всем телом выражая готовность к взрыву, а затем срывается с места, описывая безумные круги по мокрому газону. Его лапы поскальзываются на траве, он кувыркается, вскакивает и несётся дальше, оставляя за собой тёмные борозды на серебрящихся от влаги травинках. Его восторг такой искренний, такой заразительный, что я невольно улыбаюсь. Все тревоги на миг отступают, остаётся только

этот вихрь из пятнистой шерсти и безудержной радости.

— Кидай ему! — кричит Рома, и я подбираю с земли другой мячик, потрёпанный, тряпичный.

Замахиваюсь и бросаю. Не сильно, но Локи, как выпущенная стрела, мчится за ним. Он не просто бежит – он парит над землёй в прыжке, ловит мяч на лету с таким азартным рыком, что это больше похоже на рычание крошечного львёнка. Он гордо возвращается, высоко неся добычу, и тычет мокрым мячом мне в ноги, требуя продолжения.

Мы с Ромой включаемся в игру. Он кидает свой оранжевый мячик в одну сторону, я – тряпичный в другую. Локи мечется между нами, не зная, за кем бежать первым, его хвост работает как пропеллер, глаза горят азартом. Он уже слегка запыхавшийся, из пасти капая слюни, но он не останавливается. Кажется, он мог бы бегать так до вечера.

Игра, мокрая трава под ногами, этот простой, животный восторг щенка – всё это действует как наркотик. Напряжение в плечах понемногу спадает. Но в глубине сознания, как заноза, сидит эта фраза.

«Она такая же волчица, как и ты».

Она пульсирует в такт ударам сердца. Я стараюсь не думать, но это бесполезно. Вопрос назревает, становится тяжелее мячика в руке.

Локи в очередной раз приносит мне мяч и плюхается передо мной, тяжело дыша, его язык свисает до самой земли. Я приседаю перед ним, почесываю за ухом. Он закатывает

глаза от блаженства. Рома подходит ближе, тоже слегка запыхавшись.

И я, не поднимая на него глаз, глядя на Локи, спрашиваю. Голос звучит тише, чем я ожидала:

— Рома... Что всё-таки это значит? "Волчица"?

Тишина. Слышен только тяжёлый щенячий пых и далёкий шелест морозящего дождя в кронах сосен за забором.

Я поднимаю взгляд. Рома замер. Его обычная, чуть нахальная улыбка сползает с лица. Он смотрит куда-то мимо меня, в сторону дома, и в его глазах мелькает настоящая, детская тревога.

— Я... я не могу рассказывать, — говорит он, и его голос звучит непривычно глухо, почти шёпотом. — Папа... он меня убьёт. В прямом смысле.

Я фыркаю, встаю, вытирая мокрые руки о джинсы.

— Вряд ли, — бросаю я, и в голосе слышен скептицизм, на который я и рассчитываю. — Он же твой отец. Ну, в крайнем случае, нахмурится страшно. Ты же тут всё знаешь, хозяин положения. А я... я просто новенькая, мне же всё равно ничего не объяснят толком. — Я пожимаю плечами, делая вид, что вопрос закрыт, и беру мячик у Локи. — Сколько тебе, кстати, лет? Должно быть, лет восемь, раз ты так за папочку боишься. Понятное дело, в таком возрасте только за юбку матери прятаться.

Я произношу это с лёгким, нарочитым пренебрежением. Бросок. Мячик описывает дугу и падает у самого забора. Ло-

ки срывается за ним с восторженным визгом.

Я же не свожу глаз с Ромы. Всё моё существо сосредоточено на нём.

«Колись, давай. Докажи, что ты не просто мелкий испуганный мальчишка. Докажи, что ты что-то значишь здесь».

Манипуляция. Грязно? Возможно. Но я не вижу других способов докопаться до правды в этом доме.

Рома насупливается. Его лицо меняется, детская мягкость сменяется обидой и желанием доказать свою значимость.

— Во-первых, мне одиннадцать, — говорит он, выпрямляясь. Голос становится твёрже. — Совсем скоро двенадцать. А во-вторых, я не прячусь! Я почти твоего возраста, между прочим!

Бинго. Задето самолюбие. Работает.

— Моего? — я поднимаю бровь, делая вид, что оцениваю его с ног до головы. — Ну, допустим. Только вот я независимая. Мне никто не указ. Могла и не приезжать сюда, знаешь ли. Могу и уйти, если что. В любой момент. И никто мне ничего не скажет. Я ничего не боюсь.

В душе я корчусь от собственной наглости. Я блефую. Куда я уйду? За эти неприступные ворота, без денег, в незнакомом месте? Но сейчас важно не это. Важно сыграть эту роль — дерзкой, неуправляемой, которой плевать на их правила.

— Ты просто проблемная, вот и всё, — огрызается Рома, но в его тоне уже нет прежней уверенности. Он подбирает с земли оранжевый мячик и с силой швыряет его прямо к за-

бору. Локи, уже вернувшийся с моим мячом, с визгом бро-
сается в погоню за новым объектом охоты.

Рома смотрит на него, а не на меня. Он борется с собой.
Это читается на его лице как дважды два.

— Ладно, — наконец выдавливают он, поворачиваясь ко
мне. Глаза серьёзные, почти взрослые. — Я расскажу. Но
только... ты должна держать рот на замке. Никому. Ни папе,
ни Амелии, ни в школе, когда пойдёшь, никому. Ты ведь не
пойдёшь болтать?

Я смотрю на него, не моргая. Потом медленно, очень вы-
разительно подношу указательный палец к губам, будто по-
ворачиваю воображаемый ключ. Делаю вид, что вынимаю
его, замахиваюсь и выбрасываю далеко в сторону, в мокрые
кусты. Жест получается театральным, но, кажется, именно
этого он и ждёт.

— Выбросила, — говорю я просто. — Говори.

Рома глубоко вздыхает, оглядывается по сторонам, хотя
кроме нас, щенка и высокого забора здесь никого нет. Он
подходит ближе, наклоняет голову и произносит слова так
тихо, что я едва их могу слышать:

— На самом деле... мы оборотни.

»»————— * —————«««

Приглашаю вас в ещё одну крутую историю нашего моба:
"Дышу тобой, словно воздухом" от Дианы Валеса и Наргизы
Огненной####

<https://litnet.com/shrt/NbTb>

Глава 4. Элла

Локи, запыхавшийся и счастливый, валится мне на ноги, тыча в меня мокрым мячиком. Но я его уже не вижу. Не слышу его пыхтения. Весь мир сузился до лица этого мальчишки, до его серьёзных, не по-детски сосредоточенных глаз.

Оборотни.

Я стою, застыв. Даже дыхание перехватывает. Он что, серьёзно? В полном, трезвом уме? В глазах у него нет и тени

шутки, только эта странная, смешанная торжественность и страх. Я медленно моргаю, пытаюсь заставить мозг переварить этот бред.

Ну конечно. Всё встаёт на свои места. Станные взгляды. Это приноховивание. Их реакция на Локи . Папа-Александр, который выглядит и двигается как силач из древней саги. И эта... "волчица". Не метафора. В их больном, коллективном воображении – диагноз.

Господи, я попала прямиком в семейную психбольницу с богатой фантазией. И меня уже записали в их ряды.

— Эмм... — звук вырывается из моего горла хрипло, непроизвольно. Я смотрю Роме прямо в глаза, ищу хоть каплю сомнения, игры. Но нет. Он верит. Верит настолько, что это пугает больше самого заявления. — И чем вы... питаетесь?

«Что за идиотский вопрос, Элла?» — яростно мыслю я. Спроси про нейролептики! Про имя лечащего врача! Но язык будто живёт своей жизнью, вытаскивая на поверхность самое примитивное, животное любопытство.

Рома, однако, оживает. Мой вопрос он воспринимает как знак принятия, интерес. Детская важность возвращается на его лицо.

— Да всем, на самом деле, — говорит он, расправляя плечи. — Ну, по крайней мере, до первого обращения. А потом... потом наш организм требует больше мяса. Вот папа, ты бы видела, сколько он ест! Можно было бы накормить де-

сять обычных мужчин. Но у нас и сил больше, нам нужна пища... питательная. Богатая белком.

Он говорит это с такой естественностью, будто объясняет разницу между бензином и дизелем. Я киваю, механически. Мой разум отчаянно цепляется за рациональность. *Мания. Коллективное помешательство.* Очень детально проработанный бред. Рома, тем временем, увлекается. Он рассказывает о силе, о выносливости, о возрасте превращения. Слова «клан», «древние белые волки», «запечатление» сыплются, как горох из дырявого мешка. Он говорит о какой-то духовной метке, о физической, о том, как мало их осталось.

«Сумерки». «Ван Хельсинг». Дешёвые сериалы. У них, наверное, целая библиотека такой дребедени. Или, что хуже, они сами это всё выдумали. Мой мозг начинает буквально кипеть от попыток совместить несовместимое: мокрую траву под ногами, реального тёплого щенка у ног – и этот безумный сказочный бред, который мне скормливают как истину в последней инстанции.

Я не могу это слушать дальше. Не могу делать вид, что принимаю эту игру. Это опасно. Если я хоть кивну, они решат, что я "в теме", и тогда мне уже никогда не вырваться из этой роли "волчицы". Надо действовать. Сейчас.

И я делаю единственное, что приходит в голову моему перегретому, паникующему сознанию. Притворяюсь. Жалко и убедительно.

Весь мой внутренний протест, весь ужас и отвращение я

направляю внутрь, скручивая их в тугой, болезненный узел где-то в солнечном сплетении. Я стону, глухо и безнадежно, и сгибаюсь пополам, как будто меня ударили под дых. Руки обхватывают живот.

— Господи... — выдыхаю я, и голос дрожит самым натуральным образом. — У меня... резко заболел живот. Не могу идти.

Я опускаюсь на корточки, скрючиваюсь, упираясь лбом в колени. Поза отчаяния и боли. Локи тревожно тычется носом в мою щеку, скулит.

— Я сейчас умру, если ты не позовёшь... — делаю мучительную паузу, заставляя себя выговорить это. — Папу...

Слово обжигает язык. Но свобода, шанс вырваться из этого разговора, из этого безумия – дороже.

Рома замолкает на полуслове. Я чувствую его взгляд на себе, тяжёлый, оценивающий. Через щель между коленями вижу его мокрые кроссовки. Он не двигается.

— Ты блефуешь, — наконец произносит он. Голос сверху звучит холодно, недоверчиво.

Чёрт. Чёрт-чёрт-чёрт. Этот малолетний фанатик с промытыми мозгами должен купиться. Иначе... Иначе я сломаюсь. Заору. Побегу. А побегу я – куда? К этим воротам, которые он только что назвал границей «охотничьих угодий» в своём бреде?

— Я не блефую, — стону я ещё жалостнее, слегка покачиваясь. — Просто... наверное, съела что-то не то в аэропорту.

Можешь позвать его? Ты же не дотащишь меня до дома... а папа... сильный. Оборотень. Ему не составит труда.

Я вплетаю его же безумные слова в свою ложь. Даю ему почувствовать свою значимость — он, знающий правду, и я, слабая, нуждающаяся в помощи сильного "сородича". Играю на его новой роли моего доверенного лица.

Тишина. Долгая. Я уже почти готова подняться и сказать, что всё прошло, только бы прекратить это невыносимое ожидание. Но тут он вздыхает. Решительно.

— Ладно, — говорит он. В голосе появляется металлический оттенок приказа. — Только не вздумай бежать. Папа всё равно найдёт тебя. Где бы ты ни была. И я не шучу.

Угроза звучит абсурдно, но произнесена с такой леденящей уверенностью, что по спине пробегает холодок. Они же действительно могут считать, что могут "выследить". По запаху или, чёрт возьми, не знаю, чему ещё.

— Конечно, — выдавливаю я, медленно поднимая голову. Пытаюсь изобразить жалкую, благодарную улыбку. И, кажется, получается. Губы дрожат сами по себе. — Жду вас здесь. Только... торопись...

Рома смотрит на меня ещё секунду, затем резко разворачивается и бежит к дому, легко перепрыгивая через лужи. Его силуэт быстро растворяется в тумане.

Сердце колотится так, будто хочет вырваться через ребра. Всё притворство разбивается вдребезги. Мне плевать, поверил он или нет. Мне плевать на всё.

«Бежать. Сейчас».

Я наклоняюсь, хватаю Локи, тёплого, влажного и пахнущего травой. Он взвизгивает от неожиданности, тычется мокрым носом в мою щеку, не понимая этой резкой перемены.

— Тихо, тихо, всё хорошо, — шепчу я автоматом, зажимая его под мышкой, где он беспомощно болтается лапами. Его недоумение – последняя капля нормальности в этом безумном мире. И я эту каплю забираю с собой.

Ноги сами несут меня вперёд, прочь от аккуратных клумб, от этого гнетущего, идеального порядка. Впереди – не стриженная изгородь, а настоящая стена леса, тёмная, мокрая и бесконечно притягательная. Туда. Только туда.

— Сумасшедшие, — шёпот срывается с губ вместе с паром на холодном воздухе. — Они там все... сумасшедшие!

Я перемахиваю через низкий заборчик, отделяющий ухоженный задний двор от дикой поросли. Мокрые ветки хлещут по лицу, цепляются за куртку. Я не чувствую. Под ногами хрустит валежник, земля из садовой превращается в лесную – мягкую, упругую, прелую. Локи скулит, но я только крепче прижимаю его к себе, молясь, чтобы он не вырвался.

Боль в боку впивается острой иглой уже через несколько сотен метров. Дыхание рвётся, хрипит, лёгкие – как надутый, готовый лопнуть пузырь. Я спотыкаюсь о корень, едва не падаю, но инстинкт гонит вперед. Не оглядываться. Не думать. Лес принимает, поглощает. Стволы деревьев мелькают, как

частокол. Где-то там, позади, — дом, его обитатели, их большие, страшные сказки. Здесь — только сырой запах мха, грибов и свободы.

Мысль вспыхивает ясно, сквозь панику: дорога. На дороге могут быть люди. Машины. Помощь? Нет. На дороге для четырнадцатилетней девчонки в чужой стране, ночью, вдали от всего — одна опасность. А здесь... здесь звери. Но звери не так страшны. Они не считают себя оборотнями. Они просто звери. И я... я своя в лесу.

Вся моя душа вдруг сжимается в тугой комок тоски и силы. Финские леса. Бескрайние, молчаливые, сосновые. Мамина рука в моей.

Её спокойный голос:

«Слушай лес, Элли. Он всегда подскажет. Смотри на мох. Чувствуй ветер».

Мы бродили часами, и я никогда не терялась. Будто что-то в крови знало путь, будто сама земля вела за собой. Это чувство возвращается сейчас — острый, животный инстинкт, заглушающий страх. Я не потеряюсь. Я рождена не для бархатных диванов в домах сумасшедших, а для этой сырости, для этого хруста под ногами.

Я уже не помню, сколько бегу. Время спуталось, растворилось в ритме тяжёлых шагов и собственного дыхания. Свет меркнет. Серый день тонет в синеве, а затем и в черноте. Очертания деревьев становятся размытыми тенями. Пора остановиться. Хотя бы на минуту. Ноги подкашиваются, в

лёгких горит огнём, а в горле стоит медный привкус.

Заметив тёмный силуэт упавшего дерева – огромного, покрытого скользким мхом, – я почти падаю на него. Выпускаю Локи. Он, ошеломлённый, тут же отряхивается, обнюхивает землю, виляя хвостом, как будто это всего лишь новая увлекательная игра. Его жизнерадостность – дразнящий контраст моему состоянию.

У меня внутри всё горит. От страха, от бег, от неистовой ярости и беспомощности. Но я даю себе слово: пять минут. Только пять минут. Потом – дальше. Не важно куда. Лишь бы каждый шаг удалял меня от того места. От "папы" Александра. От Амелии, от Ромы с его страшными сказками.

Я сижу, вслушиваясь в ночной лес. Тихо. Не по-городскому. Здесь тишина живая, наполненная сотней мелких звуков: шелест чего-то в опад, далёкий крик птицы, капля воды, сорвавшаяся с листа.

Я закрываю глаза, пытаюсь уловить тот самый, знакомый с детства ритм...

И тут – шорох.

Не шелест. Не капля. Чёткий, осторожный, влажный звук – будто что-то большое и мягкое наступило на ковёр из мокрых листьев в двадцати шагах справа.

Всё внутри меня леденеет. Дыхание замирает. Локи застывает рядом, уши торчком, низкое рычание зарождается у него в глотке.

Мысли мечутся один за другим. Отец. Он нашёл. Он при-

шел, потому что "всегда найдет"? Оборотень? Или... или просто дикий зверь? Кабан? Медведь? В Финляндии были медведи, здесь — должны быть. В крошечной тьме, под сенью незнакомого леса, обе возможности кажутся одинаково реальными и одинаково ужасными.

Я медленно, сантиметр за сантиметром, поворачиваю голову в ту сторону, замирая, стараясь слиться с тёмным стволом дерева, став его частью, став тенью. Глаза широко раскрыты, чтобы впустить в себя почти ничего не видящую темноту. Слух обострён до предела, ловя новый звук, шаг, дыхание того, кто нарушил тишину.

И там... силуэт.

Он отделяется от общего мрака не сразу. Сначала это просто более густая тень среди теней. Потом тень обретает массу, объём. Она огромна. Выше моего роста, если встанет на задние лапы. Медленно, тяжело переступает. Медведь.

Мысль проносится, холодная и логичная, пытаюсь уцепиться за нормальность: *Молодой. Неудачник.* Не смог нагулять жир, не впал в спячку. Голодный. Опасный, но... просто животное. Просто зверь.

Эта рациональность разбивается вдребезги другим звуком.

Слева. Прямо у меня за спиной, в трёх шагах, раздаётся шёпот.

Невозможный. Узнаваемый до мурашек.

Голос отца.

— Элла... — он звучит непривычно хрипло, сдавленно, будто слова с трудом проталкиваются через глотку. — Сиди тихо. Не двигайся. Я не хочу убивать ни в чём не повинное животное.

Паника, которую я сдерживала всем своим существом, рвётся на свободу. Она подкатывает к горлу тугим комом. Он здесь. *Как?* Он был в доме! Рома только побежал за ним! Он не мог... Он не успел бы...

Логика пытается протестовать, но её заглушает леденящий ужас от двух простых фактов: медведь – в двадцати шагах справа. Отец – в трёх шагах слева. И между ними – я.

Локи не выдерживает.

Его нервное, щенячье рычание срывается в отчаянный, оглушительно громкий лай. Резкий, пронзительный звук разрывает ночную тишину, и разносится эхом под сенью деревьев. Он бросается вперёд, на пару шагов, таякая бесстрашно и безумно на ту тёмную массу.

Всё происходит за мгновение.

Тёмный силуэт медведя вздрагивает, замирает. Раздаётся звук – не рык, а сначала глухое, сиплое урчание, будто из глубины бочки. А потом – рёв. Низкий, полный ярости и угрозы, от которого дрожит земля подо мной и с веток осыпается иней. Это не просто звук – это физический удар по воздуху.

Медведь делает резкий, невероятно быстрый для своей массы рывок в нашу сторону.

Я вскрикиваю. Звук вырывается сам, короткий, обрывоч-

ный, полный чистого ужаса. Я отшатываюсь, спина больно ударяется о ствол дерева.

И тут... происходит то, что стирает все границы реальности.

Там, где секунду назад стоял мой отец, где я слышала его шёпот, возникает... движение. Но это не человек.

Это вспышка белого в темноте. Мгновенная, стремительная, как падающая звезда. И она обретает форму.

Волк.

Но такого волка не бывает. Он огромен. Его холка на уровне плеча того медведя, который уже несётся на нас. Его шерсть – не серый лесной оттенок, а ослепительный, идеальный белый, который флуоресцирует в полутьме, словно впитывает весь скудный ночной свет. Он возникает будто из ничего, из самой тени, и бросается навстречу медведю без звука, без предупреждающего рыка – с тишиной, которая страшнее любого рёва.

Мир сужается до этой поляны, до двух столкнувшихся сил.

Господи... это *отец*?

Мысль безумная. Немыслимая. Но я вижу. Вижу клочья тёмной ткани, разорванные, болтающиеся на ветке куста прямо на том месте, где он стоял. Рубашка. Та самая, в которой он был дома.

Их столкновение – это не драка, это катастрофа. Глухой, тяжкий удар тел, хруст, храп, рык медведя, внезапно пере-

ходящий в визгливый вопль ярости и боли. Белый волк не просто атакует – он движется с пугающей, хищной грацией, уворачиваясь от тяжёлых ударов лап, которые ломают молодые деревца рядом. Он не пытается загнать – он сразу стремится к горлу.

И он находит.

Это происходит так быстро, что мой мозг едва успевает зафиксировать. Огромная белая голова резко взмывает, потом опускается в броске, который кажется почти неестественным. Мощные челюсти смыкаются на шее медведя не сбоку, а сверху, прямо у основания черепа. Слышен жуткий, влажный хруст и глухой щелчок.

Медведь вздрагивает всем телом. Его рёв обрывается, превращаясь в хриплый, пузырящийся храп. Его лапы, ещё секунду назад раздиравшие землю, судорожно дёргаются, затем замирают. Огромное тело оседает, становится просто массой тёмного меха на фоне опавших листьев и мха.

Волк не разжимает челюстей ещё несколько секунд. Потом медленно, очень медленно отступает. Его белая морда испачкана тёмным... кровью. Он поворачивает голову. И смотрит на меня.

В этих глазах, светящихся в темноте холодным янтарным светом, нет ничего человеческого. Только глубинная, древняя сущность хищника. Но в наклоне головы, в том, как он стоит, заслоняя меня от мёртвого зверя телом... я узнаю позу. Ту самую, что была у Александра за обеденным остров-

ком.

Сознание, которое и так висело на волоске покидает меня. Всё темнеет, наливаясь чёрной пеленой. Пол подо мной – нет, не пол, земля – уходит из-под ног. Я чувствую, как падаю, холодная гнилая древесина ствола больше не держит меня.

Последняя мысль перед тем, как тьма поглощает всё, не крик, не молитва, а тихое, беззвучное признание, которое формулируется где-то в самой глубине души, уже отравленной этим знанием:

«Я такой же монстр... как и мой отец...»

И всё гаснет.

»»————— * —————««

Чувства – включить! ## Сахар – добавить! ## Романтику – не выключать! ## С 14 февраля! Пусть даже кот ## сегодня смотрит на вас с обожанием (ну, или хотя бы без презрения).

А так же, приглашаю вас в ещё одну крутую историю нашего моба: "Альфа. Не смотри в глаза" от Елены Арматиной.

<https://litnet.com/shrt/a04k>

Глава 5. Элла

Настоящее время

Нужно собрать вещи.

Только подумала – уже в комнате. За спиной – скрежет балконной двери и приглушённый гул голосов внизу. Сердце колотится где-то в горле, не от страха, а от дикого, нелепого азарта. Я – его пара. Его истинная пара. Этот взгляд... Он смотрел на меня, как на дохлую крысу, которую ему суну-

ли в миску со стейком. Вся его морда кричала о чистейшем, первобытном отвращении. А зверь в его глазах – о другом. О том, что ему уже всё равно. Что я уже его. И он это ненавидит.

Отлично. Прекрасно. Все эти пять лет мне твердили про эту хрень – "истинные пары", "судьба", "связь душ". Бред си-вой кобылы. Я им верить отказывалась. А тут – на тебе. Нашла, блин, суженого. Оборотень с лицом киллера и манерами троглодита, который пришёл за головой моего сводного брата.

Дерьмо, конечно. Крупное, вонючее и абсолютно неизбежное.

Локи тут как тут. Мой бордер-колли с умными, как у человека, глазами и душой старого циника. Виляет хвостом у ног, тычется носом в колено.

«И куда это мы собрались, хозяйка?» — будто спрашивает.

— Увидишь, — усмехаюсь я себе, распахивая дверцу шкафа. — Интересное путешествие.

Он будет стоять под окнами. Будет рычать, скулить, грызть асфальт – но не уйдёт. Даже если будет молиться всем волчьим богам, чтобы я сгинула. Инстинкт – штука упрямая. Глупая. И очень, очень удобная.

Открываю шкаф. Вещи? Какие вещи? Беру всё, что попадает под руку. Чёрный рваный свитер, который ношу уже три года? Летит в чемодан. Джинсы с дырками на ко-

лениях? Летят. Колготки в сеточку, футболки с идиотскими принтами, старый растянутый топ, который уже цвета детской неожиданности. Запихиваю всё с силой, будто собираюсь на Бали, а не в добровольное рабство к психопату. Сверху – кроссовки. Тяжёлые, грязные после утренней прогулки с Локи. Шмяк. Пусть воняют.

Локи садится рядом, кладёт морду на лапы и смотрит. Так смотрит. Будто я не вещи собираю, а совершаю преступление против хорошего вкуса и здравого смысла.

— Ты видел его вообще? — шиплю я, наступая на рукав свитера, чтобы впихнуть его глубже. — Этого старого придурка? Морда – будто мясо ему в тарелке недожарили. А этот взгляд... — Я с силой давлю на крышку чемодана. Молния не хочет сходиться. Дерьмо конечно.

— Не смотри на меня с таким осуждением! — пыхчу я, вставая на чемодан коленями. Хруст. Надеюсь, это не мои очки для плавания. — Ты пойдёшь со мной. И если так будешь смотреть – сам будешь гладить мои вещи.

Локи вздыхает. Честное слово, вздыхает. И отводит взгляд, будто говорит:

«У меня лапки. И в целом я разочарован в твоих жизненных выборах».

— И не смотри на меня так! Мне плевать, что у тебя лапки! — огрызаюсь я в пустоту, потому что он уже демонстративно утыкается носом в пол.

Наконец-то чемодан поддаётся, а пот уже ручьём стекает

по вискам. Я чувствую, как капли солёной влаги щиплют кожу, оставляя липкие дорожки.

— Фух... это было быстро, — выдыхаю я, почти падая на твёрдую поверхность чемодана. Подо мной раздаётся треск — кажется, я действительно сломала свои очки для плавания. Да плевать уже. Они всё равно уже были старые.

Смотрю на себя в зеркало, вижу бледное лицо, янтарные глаза, и эти белые волосы, торчащие во все стороны. Этот цвет — вечное напоминание. Напоминание о том, что внутри меня живёт тот же зверь, что и у брата, и у всего отцовского клана. Но я не хочу об этом думать. Я отворачиваюсь от зеркала, глотаю комок в горле. Я — человек, чёрт возьми! И сама мысль о том, что теперь я навеки связана с этим... с этим оборотнем, вызывает у меня настоящее, физическое отвращение. Живот сводит судорогой, сердце бьётся где-то в ушах.

Но разве у меня есть выбор?

«Да, Элла, выбора у тебя нет, — безжалостно напоминаю я себе. — Так же, как и у того хмурого старика, что стал твоей «ненавистной парой». Придётся смириться».

Громко, сдавленно выдыхаю. Да... определённо, не лучший поворот в моей жизни.

Хотя... нет. Самое худшее случилось ровно пять лет назад, когда я увидела, как отец порвал того медведя. Не в переносном смысле. В самом что ни на есть буквальном. За несколько секунд. Когти, кровь, хруст костей. Нет, пожалуй,

тот день навсегда останется худшим из худшего.

Перевожу взгляд на Локи. Он уже сидит у кровати, его умные собачьи глаза уже смотрят на меня. Не с любовью или жалостью, а с тихим, всё понимающим осуждением. Он знает. Он всегда знает.

— Не смотри на меня так, — говорю я ему, и мой голос звучит хрипло. — Всё-таки, в тот день, ты — лучшее, что со мной случилось.

Хвост Локи тут же начинает стучать по полу, словно пропеллер. И я прощаю ему. Прощаю ему всё, даже эти слишком человеческие, осуждающие взгляды. Он моя опора в этом безумии.

— Нужно переодеться, — бормочу себе под нос, вставая. Мои пальцы цепляются за край оверсайз-топа, и я стягиваю его через голову. Воздух комнаты касается влажной от пота кожи. Перед глазами снова всплывает его лицо — лицо того хмурого, молчаливого старика, который теперь моя... судьба. Ну ладно, не совсем он старик, конечно. Но он смотрел на меня с таким ледяным презрением, что, пожалуй, к расчёске я не притронусь в ближайшие дни. Пусть думает, что хочет, буду бесить его намеренно.

Стягиваю топ до конца и напяливаю на себя просторную толстовку на молнии прямо поверх кружевного лифчика. Стильно? Возможно. Отчаянно? Определённо. И пусть только посмотрит с осуждением теперь. Старикам, вроде него, нихрена в этом не понять.

Затем принимаюсь за джинсы. Стоя, подпрыгивая на одной ноге, как цапля, я стягиваю старые, оставаясь в одних тоненьких, почти невесомых стрингах. Балансирую, раскинув руки. Не хватало ещё в порыве спешки сломать нос о пол. Наконец, новые скинни-джинсы оказываются в руках. Я снова подпрыгиваю, натягивая их. Ткань облегает ноги, как вторая кожа. Практично. Всё-таки на улице зима, а в тех, дражных и модных, будет слегка — нет, не слегка — очень холодно.

«Надеюсь, он не выставит меня на мороз», — пронесётся безумная, паническая мысль. Но тут же я её глушу. Нет. Я знаю это. Своей паре он не причинит вреда. Физического. Просто не сможет. Законы их мира, проклятые и древние, хоть в чём-то работают на меня.

Как только мне удаётся застегнуть последнюю, самую туговую пуговицу на джинсах, дверь спальни с лёгким скрипом открывается. Вваливается он. Рома. Мой брат.

Его негодование, густая, тяжёлая волна тихой ярости, накатывает на меня ещё до того, как я поворачиваюсь. Я чувствую её спиной, кожей, каждым мускулом своего тела. И в ответ внутри меня самой поднимается ответная волна. Горячая, кислая, знакомая. Ярость. Из-за него. Из-за его высокомерного, бесцеремонной выходки со скоростью на дороге и началась эта дичь.

Поворачиваюсь. Встречаюсь с ним взглядом. Его глаза горят знакомым, янтарным огнём.

— Экстример пожаловал? — срывается с моих губ, и в

голосе звучит не радость, а хлётская, ядовитая усмешка.

— Экстримал, чёрт возьми, Эл, а не экстример! — рычит он, подходя ближе, его шаги тяжёлые, как удары молота по наковальне. Его янтарные глаза сверкают, как у разъярённого хищника, и я чувствую, как воздух в комнате густеет от его гнева.

Фыркаю в ответ, и тут же вспоминаю про жвачку, которая всё ещё находится у меня во рту. Раздуваю её с такой силой, что она оглушительно хлопает, эхом отдаваясь в тишине комнаты. Надеюсь, этот хлопок хоть немного всколыхнёт его мозг — тот самый, которым он не всегда пользуется, предпочитая действовать на чистом адреналине. Жвачка липкая, мятная, и на миг я представляю, как швыряю её ему в лицо, чтобы заткнуть. Но нет, я не опущусь до этого. *Пока.*

— Да какая разница? — ору я, отворачиваясь от него и начинаю судорожно рыться в шкафу в поисках пуховика. Мои пальцы цепляются за висящие вешалки, сбивая с них пару шарфов, которые падают на пол бесполезной кучей.

Хоть задница и не сильно защищена от ветра в этих облегающих скинни, короткий пуховик хотя бы укроет всё остальное. Зима в Питере — это не шутки, снег хлещет в лицо, а мороз пронзает до костей. Не думаю, что я замёрзну у этого хмурого прямо в его крутой тачке — той, на которой он примчался, ревя мотором, как разъярённый зверь.

— Ты уже собралась? — его голос хриплый, сдавленный, как будто слова выдавливают из него клещами. Он остано-

ливается в паре шагов, и я чувствую его взгляд на своей спине — тяжёлый, обвиняющий. — Без шуток, Эл?

Разворачиваюсь к нему резко, почти спотыкаясь о валяющийся чемодан, и застёгиваю молнию на куртке с такой силой, что молния трещит. Локи, мой верный друг, тем временем поднимается и встаёт между нами, его уши насторожены, а хвост замер в напряжении. Он чувствует напряжение, как всегда, и это успокаивает — хоть один в этой комнате на моей стороне.

— А ты как думаешь? — шиплю я, упирая руки в бёдра и глядя ему прямо в глаза. Мои янтарные зрачки встречаются с его, и на миг я вижу в них не злость, а что-то другое — вину, которая делает его лицо ещё моложе, почти мальчишеским. — Ждать, пока он взломает дверь и вытащит меня, как свой трофей, за волосы? Нет уж, спасибо. Я предпочитаю хоть какую-то иллюзию выбора. По крайней мере, я уйду с высоко поднятой головой, а не как жертва.

Он отводит взгляд первым, глотает слюну — я вижу, как двигается его кадык, как работают жевательные мышцы под кожей. Снаружи он выглядит непроницаемым, но внутри, я знаю, он кипит. Кипит с такой силой, что вот-вот взорвётся. Но сейчас в нём нет той уверенности, что обычно делает его королём клана. А всё из-за его дерьмового развлечения на дороге.

— Я не знал, что он... что так получится, — бормочет он, наконец поднимая глаза. Его голос ломается на середине, и

он проводит рукой по волосам, взъерошивая их ещё сильнее. — Это было развлечение, я правда не хотел создавать аварию... просто... так получилось. .

В этот момент его хочется прибить, прямо здесь, на месте. Мои кулаки сжимаются сами собой, ногти впиваются в ладони, оставляя следы в форме полумесяца. Развлечение? Адреналин? Из-за его идиотской гонки с ветром и скоростью теперь я – прикована к этому хмурому оборотню, который смотрит на меня, как на ничтожество. Пять лет я боролась с этим миром, со своим кланом, с отцом, который вытащил меня из тихой жизни в Финляндии и швырнул в эту волчью стаю. А теперь – это. Его вина, его безрассудство, и я расплачиваюсь.

— И вообще, зачем ты вызвалась из-за меня? Тебе что, жить надоело? — он подходит ближе, и в его голосе звучат стальные нотки. Его рука хватается меня за плечо – крепко, слишком крепко – и встряхивает, так что мои зубы клацают друг о друга, а жвачка чуть не вылетает изо рта.

Ярость вспыхивает во мне мгновенно.

Вырываюсь резко, отталкивая его от себя, и отступаю на шаг, чувствуя, как Локи рычит тихо, предупреждая. Ему точно не стоит меня отчитывать – не ему.

Щёки горят, дыхание сбивается, и я выпаливаю:

— А что, надо было отдать тебя на растерзание этому хмурому? — огрызаюсь я, и снова раздуваю жвачку с такой силой, что она лопається почти у самого лица, липкая масса

чуть не пачкает мне щёку.

Я вытираю лицо тыльной стороной ладони, не отрывая глаз от Ромы.

— Ты – будущее этого клана, сын своего отца, наследник всего этого волчьего дерьма, а я... Элла...

Чёрт, последнее слово вырывается с лёгкой обидой, которую я стараюсь подавить, запихнуть поглубже, но она рвётся наружу, как волна, которую не удержать. Мало того, что до четырнадцати лет я жила без отца, в тихом финском городке, где никто не рычал по ночам и не рвал медведей на куски. Так и после того, как он соизволил забрать меня сюда, в этот холодный, пропитанный запахом снега и крови Санкт-Петербург, попытки сделать из меня "настоящую волчицу" приобрели такой масштаб, что я задыхалась. Буквально. Тренировки, ритуалы, давление – пока все не поняли, что я, похоже, бесполезна. Не в состоянии обратиться. И я не хочу. Не желаю становиться одной из них, с их инстинктами и связями, которые душат, как удавка.

Рома вздыхает, его плечи опускаются, и на миг он выглядит не будущим альфой, а просто парнем, который влип в дерьмо по самые уши.

Он знает меня лучше, чем кто-либо в этом клане – видит сквозь мою броню из сарказма и непокорности.

— Ты просто не принимаешь свою природу, Эл, — говорит он тихо, почти умоляюще, подходя ближе, но уже без агрессии. Его глаза смягчаются, и это бесит меня ещё боль-

ше — он всегда так, пытается "понять", как будто я сломана. — Тебе нужно принять свою внутреннюю волчицу, и тогда ты станешь одной из нас. Станешь такой же сильной, как мы. Связь со своим волком... это шанс, Эл. Шанс наконец-то почувствовать, кто ты на самом деле.

«Боже, заткнись уже, Рома, просто заткнись.»

Хочется заорать это ему в лицо, но вместо этого я отворачиваюсь, с яростью жуя остатки своей жвачки. Не буду я принимать. Не хочу чувствовать это животное внутри, которое шепчет по ночам, требует вырваться. Я — Элла, человек в волчьем мире, и эта неожиданная связь с этим... хмурым, только усиливает всё то, от чего я бегу. Я — его пара. Зашибись. Я плюю жвачку в урну у тумбы — она летит идеально, — и хватаю чемодан, игнорируя его.

Локи следует за мной, его когти цокают по полу, и это единственный звук, который сейчас имеет смысл.

— Уходи, Рома, — бросаю через плечо, не оборачиваясь. — Твои лекции подождут. А я... я разберусь. Своим способом.

— Постой, Элла... этот оборотень, ты же знаешь, кто он? — голос Ромы звучит сдавленно, словно он пытается удержать меня не только словами. Его взгляд тяжёлый, пронизывающий. Он смотрит так, будто собирается выложить какую-то ужасную тайну, которая перевернёт всё с ног на голову.

Поворачиваюсь к нему медленно, всё ещё держась за руч-

ку чемодана. Локи прижимается к моей ноге, чувствуя новую волну напряжения.

— Знаю, — говорю я, нарочно делая голос плоским, безразличным. Перечисляю, как заученный урок, глядя куда-то поверх его плеча. — Кирилл. Андрей. Дебил на колёсах с манией величия...

— Герман, — он перебивает меня, и это имя звучит не просто как имя. Оно падает в тишину прихожей, как камень в воду, и расходится тяжёлыми, холодными кругами. Он почти рычит его, выговаривая каждый слог с такой ненавистью и... страхом? Нет, не страхом. Предостережением. Чистым, неразбавленным предостережением.

Я фыркаю, делая вид, что это меня не касается.

— Ну да. Герман. Большое дело. Знаю только, что его клан — настоящие динозавры. Вы же мне все уши этим прожужжали. Консервативные идиоты в квадрате, для которых связь с человеком — как пятно на репутации. Я в курсе, Ром. Можешь не напоминать. — Отворачиваюсь, делая шаг к выходу, но его следующая фраза приковывает меня к месту.

Он делает шаг вперёд, и пространство между нами сжимается, наполняясь густым, почти осязаемым тревожным электричеством.

— Он разорвёт тебя на части, Эл. И это не шутки. — Его слова падают чёткими, тяжёлыми ударами. — Если хочешь... отец. Все мы. Готовы уничтожить их. Сейчас же. Чтобы ты никогда не стала его. Никогда.

В его глазах – не просто братская забота. Там горит та самая ярость клана, готовность разжечь войну из-за своей крови. Из-за меня. Меня, полукровки, которая даже обратиться не может. Мысль о таком жертвоприношении – о войне, о смертях, которые лягут на мою совесть, – вызывает во мне тошнотворный спазм.

— Нет. — Отчеканиваю я, и мой собственный голос звучит чуждо, слишком твёрдо. Удивляюсь сама этой твёрдости. — Вы сами сотню раз говорили. Они – одни из сильнейших. Их много. И это не стая, Рома, это – клан. Настоящий, древний, сплочённый. За смерть их альфы они сюда придут всем своим каменным легионом. И сотрут нас с лица земли. Я не позволю вам всем погибнуть.

Я вижу, как он сжимает кулаки, как по его челюсти пробежит судорога. Он хочет спорить, хочет кричать, что справится. Но он не глупец. Он знает, что я права. Его плечи опадают на миг, и в этом жесте – вся его беспомощность, вся ярость, направленная внутрь.

— Но он... Элла, он ненавидит всё человеческое. А ты... — Он не договаривает. Не нужно.

А ты отказываешься быть чем-то иным.

— Я справлюсь, — выдыхаю я, и это больше похоже на заклинание, на оберег, который я шепчу сама себе. — Не его законами. Своими. До встречи, Рома.

Бросаю на него последний взгляд через плечо и решительно тяну за собой чемодан. Колесики громко цокают по пар-

кету. Я не оборачиваюсь. Знаю, мы с братом ещё встретимся. Это не прощание. Это... перемирие. На время.

Локи, предатель, тут же семенит за мной, его когти отстукивают весёлую дробь. Он виляет хвостом и смотрит на меня так, будто мы отправляемся не на моё добровольно-принудительное "пленение к альфе", а на долгожданную прогулку по заснеженному Невскому проспекту.

— Предатель ты, Локи, — выдыхаю я, бросая на него взгляд, в котором должна быть злобная осуждение, но получается только усталая обида. — Идём на убой, а ты радуешься.

Он в ответ лишь высовывает язык, дразняще виляя белым кончиком хвоста. Ни капли смущения.

Как будто говорит:

«Скулишь? Идём уже, приключения ждут!»

И мы идём. По длинному, тёмному коридору, мимо закрытых дверей, за которыми, я знаю, притаилась и слушает вся стая. Спускаемся по широкой лестнице, и каждый шаг отдаётся гулким эхом в тишине особняка. Моё сердце колотится где-то в горле. Руки леденеют, хотя в доме тепло.

Я захожу в прихожую, где ещё висит гирлянда с Нового года — отец велел не снимать, говорит, греет душу. Моя рука тянется к входной двери, украшенной коваными волчьими головами. Я обхватываю холодную железную ручку, делаю глубокий вдох, будто ныряю в ледяную воду, и толкаю.

Дверь со скрипом открывается, впуская порыв морозного,

пахнущего снегом и бензином воздуха.

И я вижу...

Чёрт.

Я вижу их.

Всю свою стаю. Свою... семью.

Стоят щитом, живой стеной, спинами ко мне – защищая, загораживая собой улицу. От *него*. Глаза у всех напряжены, спины выпрямлены. Они готовы. Готовы драться. Умирать.

У меня сжимается всё внутри. Нет. Нет-нет-нет.

Я не останавливаюсь. Чемодан громко цокает по гранитным плитам крыльца. Я вжимаю плечо между двумя широкими спинами, отталкиваю локтем третью.

— Двигайтесь, — резко звучит мой голос. — Я сказала – двигайтесь!

Они расступаются неохотно, как вода перед носом корабля. Я прохожу. И тут – тяжелая, теплая рука ложится мне на плечо. Ладонь, знакомая до боли. Отец.

— Элла... — его голос – низкий, сдавленный рык. В нём не приказ, не гнев. В нём – отчаяние. Яростное, беспомощное отчаяние зверя, которого загнали в угол. Он не может меня удержать. Не по закону кланов. Если я – пара их альфе, то эта связь... она сильнее крови. Сильнее воли. Она рвётся только со смертью. И даже тогда – его волк может не пережить потери. А моя... моя спящая волчица? О ней лучше не думать. Вообще.

В голове, ясно и холодно, вспыхивает мысль:

«А почему Герман не поставил физическую метку с кем-то из своих? Почему позволил связи быть такой... открытой?»

Я не оборачиваюсь. Смотрю вперёд, в снежную мглу двора.

— Не надо, — говорю я тихо, но так, чтобы он услышал.

Рука на моём плече дрожит. Пальцы впиваются в ткань куртки, замирают... и разжимаются. Отпускают. Словно обожжённые. За моей спиной раздаётся короткий, яростный, почти бессильный рык.

И я делаю шаг вперёд. На подъездную аллею, запорошённую свежим снегом.

И вижу *его*.

Он стоит у чёрного, брутального внедорожника, врезавшегося в сугроб у нашего забора, будто не утруждал себя парковкой. Стоит, заложив руки в карманы длинного тёмного пальто, и смотрит. Просто смотрит.

И его взгляд... Чёрт.

Он смотрит на меня так, будто увидел не полукровку-неудачницу из враждебного клана, а восьмое чудо света. Только в его глазах — не восхищение. Там буря. Шок, да. Но не тот, что у моих. У него шок перемешан с чистейшим, неподдельным отвращением. С брезгливым неверием, что это — та самая "проклятая связь". Что это — его судьба.

Это даже смешно. Настолько нелепо и гиперболизировано, что у меня внутри что-то ёкает — не страх, а что-то острое,

колкое. Насмешка.

Он не сказал ещё ни слова, а уже всё прояснил для себя.

— Вот так сразу? — его голос доносится до меня, хриплый, низкий. Он режет морозный воздух, как тупой нож — грубо, тяжело.

И... чёрт. Он не вызывает отвращения. Вопреки всему, что я о нём знала, вопреки его репутации хмурого каменного истукана.

Передо мной — воплощение маскулинности, высеченное из гранита и льда. Высокий — на голову выше меня, если не больше. Плечи, которые, кажется, не влезут в стандартный дверной проём. Он не просто «хмурый» — он весь излучает тяжесть, угрозу, настороженную мощь. Некрасивый? Нет. Его черты резкие, грубоватые, но в этой грубости — дикая, нецивилизованная правильность. Широкая челюсть, резко очерченный рот, скулы, на которых, кажется, можно точить клинки. Волосы тёмные, коротко стрижены, но неукорно падают на лоб.

«Хищник», — констатирует что-то холодное и аналитическое у меня в голове, пока я смотрю прямо в его глаза. Они вспыхивают, встречаясь с моим взглядом. Не просто серые или синие. Это цвет ледника на рассвете — холодный, пронзительный, с внутренним огнём, который не греет, а обжигает холодом.

«Красивые глаза», — предательски проносится вторая мысль, быстрая, как вспышка.

И тут же я чувствую, как дыхание сбивается, как что-то сжимается низко в животе. Не страх. Что-то другое. Опасное. Живое.

Чёрт. Чёрт! Его аура... она не просто давит, как я ожидала. Она обволакивает. Холодная, тяжёлая, плотная, как свинец. В ней нет ярости моей стаи – там ледяное, абсолютное спокойствие силы, которая знает себе цену и не спешит её доказывать. Подавить это? Заставить отступить моим привычным сарказмом и наплевательством? Это будет... сложно.

— Сколько тебе лет, чёрт возьми? — он рычит, не сдвигаясь с места. Но его голос – это уже не просто звук. Это вибрация, которая отдаётся где-то в костях. Глаза вспыхивают той самой ледяной яростью, о которой все твердили.

Я вздрагиваю. Не от страха. От неожиданности этой... атаки. От её примитивной, волчьей прямоты.

И мой ответ вырывается сам, на автомате, на том самом вызове, который всегда был моим щитом.

— Девятнадцать! — я почти кричу, делая шаг вперёд по скрипящему снегу. Чемодан остаётся позади. Локи издаёт предупреждающий звук, но я его не слышу. Вся моя кровь стучит в висках. — А тебе, наверное, уже сто девятнадцать? Ужасный возраст для альфы-динозавра, не находишь?

«Чёрт, Элла, ты снова за своё», — бьёт тревогу внутренний голос. Но я не могу. Не могу, когда он смотрит на меня, как на ошибку природы, которую вот-вот исправят.

Сбоку него раздаётся короткий, сдавленный смешок. Я на мгновение отрываю взгляд от ледяных глаз Германа. У того же внедорожника стоит другой мужчина, помоложе, попроще одетый. Он смотрит на нашу сцену, и на его лице – неподдельное, живое веселье.

— А твоя пара забавная, Гер, — говорит он, и в его голосе звучит откровенное удивление и... да, потеха.

«Забавная. Конечно. Я сейчас покажу тебе, "забавная", я вытрясу из тебя душу, я...»

Мысль обрывается. Потому что мир взрывается движением.

Он не идёт. Он исчезает с того места у машины и материализуется прямо передо мной. Так быстро, что глаз не успевает зафиксировать путь. Не волк, не человек – стихия. Вихрь из тёмной ткани и холодного воздуха.

Его рука, большая, сильная, с длинными пальцами, хватает моё запястье.

И мир сужается до этой точки контакта.

Электрический разряд, не метафорический, а самый что ни на есть реальный, пронзает меня с ног до головы. Не больно. Но... ослепительно. Ярко. Как будто все нервы на поверхности кожи одновременно взорвались крошечными звёздами. Я вскрикиваю – коротко, глухо.

Рывок. Не грубый, но невероятно мощный, не оставляющий ни шанса на сопротивление.

И вот я уже не стою в нескольких сантиметрах от него. Его

лицо склонилось над моим, заслонив бледное зимнее небо, особняк, стаю у ворот – всё. Всё, кроме него. От него пахнет морозом, кожей, дорогим мылом и чем-то глубинным, диким.

Его тёплое дыхание касается моего лба.

А его глаза... теперь они в сантиметрах от моих. И в них уже нет обычной ярости. Там буря. Хаос из отвращения, шока, невероятного раздражения и чего-то ещё... чего-то такого тёмного и притягивающего, от чего у меня перехватывает дыхание по-настоящему.

Его губы приоткрываются. И он произносит слова тихо, только для меня, голосом, в котором сквозит какая-то извращённая, усталая насмешка над судьбой, над собой, над мной:

— Ну привет, моё проклятье – Элла.

»»————— * —————««

Приглашаю вас в ещё одну крутую историю нашего моба: "Где шепчет опасность" от Киры Хо.

<https://litnet.com/shrt/fcmw>

Глава 6. Герман

Я не могу отвести от неё взгляд. Моя ладонь сжимает её запястье так, что, кажется, кости трещат, а кожа под пальцами пылает, будто раскалённое железо. Судьба сыграла со мной поистине злую шутку, назначив мне в пары это... недо-разумение. Её дыхание обжигает щёку, а эти глаза – янтар-ные, неистовые – будто выжгли клеймо не только на коже, но и в самой глубине сознания. Белоснежные волосы торчат во

все стороны, будто она специально решила вывести меня из себя окончательно. Неужели ей не хватило тех самых чёртовых десяти минут, чтобы хотя бы расчесаться?

Десять минут – да, она собралась стремительно, словно спасалась от апокалипсиса. Только что стояла на своём балконе, заявляя, что идёт вместо брата-ублюдка, и вот уже здесь – с чемоданом, с этой шавкой у ног. Я даже осмыслить не успел, переварить мысль, что теперь она будет рядом, а эта... Элла всё уже решила за меня. Знала ведь, что я не уйду без неё. Безрассудство? Юношеский максимализм? Или... всё-таки какая-то изворотливая смекалка? Только мне не нужен её ум. Умная самка – а в её случае, девятнадцатилетняя девчонка – это граната с выдернутой чекой.

Чертовка. Малолетняя чертовка. Девятнадцать... На сколько она младше? Стараюсь не считать – противно. Не хочу её трогать. Не хочу, это кажется извращением, словно собираюсь трахаться с собственной дочерью. Мерзко.

«Девятнадцать! А тебе, наверное, уже сто девятнадцать? Ужасный возраст для альфы-динозавра, не находишь?» — эта её дурацкая, язвительная фраза вертится в голове, не давая покоя.

Полукровка. Назвала динозавром. Чёртовым альфа-динозавром. Будь на её месте кто-то другой – разорвал бы в клочья. Но передо мной... чёрт возьми, передо мной моя же ненавистная пара. Получеловек, которого я презираю всей душой, но отпустить уже не в силах. И почему я не поставил

физическую метку тогда? Почему не связал себя с той, что действительно для этого подходила?

В памяти всплывает сладкий голос и обволакивающее тепло тела лучшей волчицы, которую я знал. Кристины.

Да, Кристина была идеалом. Стройные бёдра, чёрные как смоль волосы, пронзительные зелёные глаза. Киска такая тупая, что можно потерять голову. Я мог бы сделать её своей – окончательно. Поставить блок, физическую метку, которая отрезала бы любой шанс на это... на то, что случилось с Эллой. Но не сделал. И как бы я ни презирал клан её отца, их связь с людьми, их странное стремление к истинным духовным парам – в глубине души я жаждал того же. Настоящего. Не искусственной связи, не вынужденного союза, а того, что входит в кровь и душу, не оставляя выбора.

И теперь я – консерватор, член клана, который сам отрёкся от истинных пар ради чистоты крови, – сижу в самой глубокой жопе. И виной тому моя же тупая, идейная наивность.

— Может, отпустишь уже? Или таких альфа-динозавров, как ты, не учили манерам? — её голос, тонкий, почти детский, бьёт по моим и без того расшатанным нервам.

Будь она кем-то другим, я бы уже перегрыз ей глотку. Но глядя на эти розовые, слегка приоткрытые губы, на эти огромные, вызывающие глаза... Желание одно – впиться в них. До боли. До крови.

А зверь внутри рвётся наружу, и его мысль – не мысль, а рёв: *Взять её. Прямо здесь. На глазах у всего её жалкого*

клана. Унизить. Пометить. Сделать своей.

И плевать, что от этого она, скорее всего, залетит. Кажется, зверю только это и нужно – застолбить права на свою собственность. Навсегда.

Я молчу, резко разжимаю пальцы. Она, не ожидая, чуть не падает на снег, но инстинкт, этот проклятый инстинкт, опережает мысль. Моя рука сама находит её талию, притягивая так близко, что я чувствую запах её шампуня и тепло тела сквозь ткань куртки. И чувствую другое. Возбуждение, настолько острое и унижительное, настолько не вовремя, что хочется разодрать себе горло. Мой член, уже твёрдый, упрямо упирается ей в бедро. Чёрт. Надеюсь, она не заметит. Надеюсь, она просто думает, что это пряжка ремня или ещё какая-то хрень. Но по стремительному, едва заметному расширению её янтарных зрачков понимаю – замечает. Всё понимает.

— Манерам? — мой голос звучит хрипло, практически чужим.

Я цежу слова прямо в её маленькое, холодное ухо, наблюдая, как пульс на её шее бешено отбивает таранный бой. Она не равнодушна. Не просто бунтует. Она реагирует. Её тело чувствует моё, даже если её разум ненавидит. Это хуже всего.

— Может, ты сама хочешь, чтобы я научил тебя манерам, девочка? Настоящим?

Называю её «девочкой» специально, чтобы унижить, что-

бы напомнить и ей, и себе о пропасти между нами. Но звучит это... слабо. Почти как ласка. Зверь внутри рычит от одобрения.

Резко наклоняюсь. Наши носы почти соприкасаются. Она даже не думает отшатываться. Дышит часто-часто, горячим паром, который смешивается с моим. Её губы розовые, слегка влажные губы приоткрыты. Глупое, безрассудное, прекрасное создание.

— Я покажу тебе, что значит быть с альфой, — вырывается у меня шёпот, низкий, предназначенный только для неё, но я прекрасно знаю, что его слышат все эти уши вокруг. — Не из ваших сказок. Не про "единственность" и "судьбу". По-настоящему. Грязно. Больно. Так, что ты забудешь, как дышать без моего разрешения.

Резко отпускаю её, будто обжёгся. Она делает судорожный вдох, отшатывается на шаг, и я вижу, как её глаза на мгновение затуманиваются не то страхом, не то... чем-то другим. Мне нужен не воздух. Мне нужен лёд. Целое море льда, чтобы потупить этот пожар в крови, этот навязчивый образ: как она будет смотреть на меня снизу вверх, когда я окажусь между её бёдер, как её губы разомкнутся в беззвучном сто-не...

Чёрт. "Истинная пара" – это что, превращение в животное? В самца, который видит в своей женщине только ходячую, влажную дыру? Не этого я хотел. Я хотел... связи. Настоящей. А не этого похотливого безумия.

Нет. Я не хотел ничего. Особенно – её.

Поднимаю глаза. Её "стая" – жалкая кучка полукровок и оборотней с людьми – застыла у ворот. Александр, её отец, стоит, и по нему видно: он сдерживается из последних сил. Мышцы на его челюстях играют, кулаки сжаты. Словно он не знает древних законов.

— Если ты сделаешь ей больно... — начинает он голосом, полным отчаяния и ненависти.

Я перебиваю его, не в силах сдержать сарказм. Злость – хорошая маскировка для желания.

— А что я *ещё* могу с ней сделать, кроме как трахать? — слова вылетают громко, чётко, нарочито цинично. — Вяленью её учить? Стихи читать? Она теперь для одной цели, Александр. И мы все это прекрасно понимаем.

В воздухе повисает тишина, наэлектризованная яростью. Мои ребята сзади напряглись, готовые в любой момент. Но её стая... они просто смотрят. С ненавистью, с отчаянием, но не двигаются. Они проиграли, и они знают это.

Перевожу взгляд на неё. На Эллу. Она стоит, выпрямившись, подняв подбородок. Словно королева на эшафоте. Но щёки... её бледные щёки заливает густой, стыдливый румянец. Он ползёт к ушам, к шее, исчезает под воротником куртки. И в голову, как удар током, врезается мысль, от которой кровь стынет и закипает одновременно: *Она девственница.*

Не просто молода. Не просто неопытна. Девственница. Чистая. И моя. Только моя. Зверь внутри воет от торжества

и нетерпения. Он уже представляет, как рвёт эту невинность, как помечает её изнутри, навсегда. Я сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони до боли. До крови.

Остановись. Она — проклятие. Ловушка. Не становись тем, кем она хочет тебя видеть — одержимым животным.

С трудом отрываю от неё взгляд, снова впиваюсь глазами в Александра. Он выглядит... не просто злым. Он выглядит сломленным. Он понял. Понял, что отдал свою дочь на растерзание, и ничего не может с этим поделать. В его глазах читается это отчаяние, эта горечь. И это... успокаивает. Немного.

— Проваливай отсюда, — цедит он сквозь стиснутые зубы. — И чтобы я больше не видел тебя здесь. Элла... — его голос даёт трещину, когда он смотрит на неё. — Будь на связи. Хорошо?

Она не отвечает. Только кивает, коротко, резко. Её взгляд прикован ко мне. В нём нет страха сейчас. Есть вызов. Горящий, яростный, обещающий, что это не конец. Что эта битва только начинается.

Я поворачиваюсь, давая спиной понять, что разговор окончен. Мои шаги по хрустящему снегу звучат громко, чётко.

— Идём, — бросаю ей через плечо, не оборачиваясь. — У нас долгая дорога. И тебе, девочка, придётся научиться меня слушаться. Быстро.

Иду к машине, в спину жжёт её взгляд. Я чувствую его.

Я чувствую всё. Лёгкий скрип её чемодана на снегу, каждый отрывистый выдох, превращающийся в облачко пара. Даже лёгкий, едва уловимый звук застёжки на её дурацкой сумке. Мой зверь внутри ликует, он пьянеет от этой гиперсвязи, от того, что она здесь, рядом, в моём пространстве. А я... я просто хочу исчезнуть. Словно каждый нерв, каждый рецептор в моём теле вывернули наизнанку и настроили на эту полукровку. Её легче ненавидеть. В тысячу раз легче. Потому что альтернатива – признать эту животную, всепоглощающую тягу – невозможна.

И сквозь её запах, этот дурманящий микс шампуня, снега и чего-то исключительно её, пробивается другое. Едкий, удушливый запах псины.

Чёрт. Совсем забыл. Она со своей шавкой.

Резко разворачиваюсь прямо у чёрного борта внедорожника. Она замирает в двух шагах, а за её ногой, сливаясь с сумерками, маячит лохматый силуэт.

— Эта дрянь с нами не поедет, — говорю я, и мой голос звучит как приказ. Я смотрю на неё сверху вниз, впиваясь взглядом в её бледное, дерзкое личико.

Порядок. В моём мире должен быть порядок. Элла – это уже стихийное бедствие, сбой в системе. Привезти её – всё равно что впустить в стерильную операционную бродячую кошку. А вместе с её собакой... Это уже хаос, возведённый в абсолют. Беспорядок в квадрате.

— Вот как? — Она медленно приподнимает одну бровь.

На её губах играет та самая язвительная, уже знакомая до боли ухмылка. Та, от которой по спине пробегает холодок ярости и... чего-то ещё. Хочется стереть это выражение ладонью. Прижать её к холодному металлу машины и заставить забыть, как улыбаться. И тут же, на этом фоне вспыхивает, как кинокадр: её глаза, затуманенные, влажные, смотрящие на меня снизу вверх. В тот момент, когда...

Господи. *Снова.*

Я резко встряхиваю головой, отгоняя эти мысли. Но образ не уходит, он жжёт изнутри. Почему это кажется таким реальным? Почему я *помню*то, чего никогда не делал?

— Твоя псина не поедет, — повторяю я, стискивая зубы. — Я и так везу тебя к себе, почти что из... снисхождения. Ты и есть главный хаос в моей жизни. Но эта тварь...

— Его зовут Локи, — перебивает она. Её глаза вспыхивают. Если бы она была чистокровной, они бы зажглись янтарным огнём. Но они просто сверкают. Досадно, обманчиво человечески. — И если он не едет, то и я остаюсь. Здесь.

Она разжимает пальцы. Чемодан с глухим стуком падает в снег. И затем, не сводя с меня глаз, полных вызова, она медленно, демонстративно садится на него и закидывает ногу на ногу.

Мой взгляд сам, против моей воли, скользит по линии её ног. Стройные, в обтягивающих джинсах. Слава богу, уже не в этих рваных. Но от этой мысли не легче. Потому что мой мозг тут же услужливо дорисовывает картину: как ткань

рвётся под моими руками, как обнажается кожа под ней. Такая же бледная, фарфоровая, как её щёки? На этих юных, изгибающихся бёдрах?

Я сглатываю вязкую слюну, заполняющую рот.

«Контролируй себя. Просто дыши. Будь сильнее этого.»

— Или в вашей Динозавряндии не принято заводить животных? — раздаётся её голос, сладкий и ядовитый одновременно.

Мой мозг на секунду отключается. Динозавряндия?

— Что за чертовщину ты сейчас сказала? — вырывается у меня.

Смотрю на неё, пытаюсь понять, откуда в этой юной голове рождаются такие абсурдные слова. Клянусь всем, что есть святого, я никогда не встречал ничего подобного. Она как дикое, непредсказуемое животное, которое ещё и разговаривает.

Она сидит на чемодане, как на троне, и пожимает плечами. Её улыбка становится ещё шире.

— Мне казалось, альфа-динозавры живут в подобных местах. В каменных берлогах. Со строгими правилами и без домашних питомцев.

Всё. Это всё. Терпение лопается. Единственное, о чём я могу думать сейчас, — это как выбить из неё эту дурацкую улыбку. Как трахнуть её так, чтобы она на неделю забыла, как сидеть. Чтобы она поняла, кто здесь альфа. Кто здесь хозяин.

— Мой дом, чёрт возьми, не приют для сумасшедших! — рычу я, и в голосе слышится отчаяние. Настоящее, гложащее отчаяние. За что? За какую провинность я заслужил это ходячее наказание? — Я не хочу, чтобы другие члены моего клана заразились от такой... несносной полукровки.

Последнее слово я произношу с особой ядовитостью. Нарочито, медленно, желая проткнуть её броню из дерзости. Напомнить ей, кто она. Напомнить *мне*, кто она.

Но она просто смотрит. Её улыбка не гаснет. Она не морщится, не отворачивается. Она принимает удар и... игнорирует его. Словно я бросил в неё бумажным шариком, а не отравленным кинжалом.

И в этот момент я понимаю с мучительной, унижительной ясностью: я не победил её. Я проиграл. Проиграл, стоя на пороге своего же автомобиля, пока эта девчонка восседает на своём жалком чемодане, как королева на руинах моей власти.

— Несносная... — шиплю я, уже не соображая, что вообще делаю.

Мысль погасла, остался только белый шум ярости и этот невыносимый, дразнящий запах, который она источает. Я больше не могу слушать этот голос, видеть эту улыбку. Я должен это прекратить.

За секунду, в долю секунды, я оказываюсь возле неё. Она даже не успевает отшатнуться. Мои руки обхватывают её талию, и вот уже я поднимаю эту невесомую, всю такую дерз-

кую девчонку на руки, перекидывая её через плечо, как мешок с мукой. Как добычу.

Она вскрикивает от неожиданности – короткий, отрывистый звук. Её "сранный Локи" тут же взрывается истеричным лаем, бросаясь вперёд. Я поворачиваю голову и смотрю на него. Пристально. Не взглядом человека – взглядом волка. Взглядом, который не терпит неповиновения.

Отдаю команду в голове, без слов, просто воля, сконцентрированная во взгляде: *Молчать. Лежать.*

Он замирает на месте, поджимает хвост и, тихо поскуливая, ложится на снег. словно его ударили током. словно он наконец-то почувствовал, кто перед ним. Это приносит жалкое, сиюминутное удовлетворение. Хотя что-то в этой вселенной ещё подчиняется законам.

Ко мне подходит Дэн. Я чувствую его приближение за спиной, слышу осторожные шаги по снегу.

— Тебе помочь? — его голос тихий, но в нём ясно читается напряжение. — Может, не стоит оставлять вас наедине в одной машине?

Он не договаривает, но смысл висит в морозном воздухе: «Ты с ней справишься? Или разорвёшь на части, не доехав до дома?»

Неужели я настолько жалко выгляжу? настолько потерял контроль, что даже мой друг, член моего клана, видит во мне только зверя на грани срыва?

Ярость закипает во мне с новой силой – но теперь она на-

правлена на себя. На свою слабость.

— Полезай в другую машину, — рычу я, грубо поправляя Эллу на плече. Она брыкается, но её удары слабы, беспомощны. Как будто она и не пытается по-настоящему вырваться. Это бесит ещё больше. — Мне нужно узнать поближе свою... — ком застревает в горле, мешая вытолкнуть ненавистное слово. Я давлю на него изнутри, заставляя себя. — ...пару.

Слово падает, как камень. Грязное, липкое, несущее в себе тонну нежеланной ответственности. Но сказано. Факт.

Дэн молча кивает. Он отступает. Оставляет меня наедине с моей проблемой. С моим проклятием. Слышу, как хлопает дверь другой машины.

И я этого хочу. Боже, как я этого хочу. Мне нужно быть с ней наедине. Не для того, чтобы наброситься — хотя эта мысль жжёт изнутри, желая воплотить желания в реальность. Мне нужно разобраться. С ней. С этим безумием, которое она во мне вызывает. С этими образами, что пляшут перед глазами, словно я уже видел всё это, уже касался её, уже...

Её аппетитная попка, эта дерзкая, вызывающая попка, сейчас находится прямо у моего лица. В обтягивающих джинсах, в нескольких сантиметрах от меня. Моё дыхание замирает, а потом я делаю произвольный, предательский вдох.

И всё. Я снова тону.

Её запах. Не просто шампунь и снег. Это она. Глубже, интимнее. Сладковатый, тёплый, живой запах кожи, смешан-

ный с чем-то... невыносимо притягательным. Даже сейчас, когда она висит у меня на плече в позе пленницы, я чувствую *это*. Тот самый влажный, дразнящий аромат желания. Слабый, приглушённый её гневом и обидой, но... он есть.

Она хочет меня. Даже сейчас. Её тело, её сущность, эта проклятая связь – всё это кричит об этом, пока её разум и гордость отчаянно сопротивляются.

«Прекрати, — приказываю я себе. — Не чувствуй. Отбрось. Заглуши».

Но я уже учуял. И как теперь выбросить этот запах из головы? Из ноздрей? Из самой крови, которая, кажется, уже пропитана им?

Никак. Просто никак.

Сжав зубы до хруста, я подхватываю её чемодан с земли и одним резким движением швыряю его в открытый багажник. Металл глухо стучит.

И тут происходит странное. Элла, которая только что брыкалась и извивалась, резко обмякает. Вся её поза, всё напряжение уходит. Она просто висит у меня на плече, безвольно, как тряпичная кукла. И эта внезапная пассивность... она кричит громче любого сопротивления. Кричит о том, что ей скучно. Что мои попытки запугать, моя демонстрация силы – это детский лепет.

«Ну, покажи ещё, — словно говорит её обмякшее тело. — Развлеки меня, нудный альфа-динозавр. Я уже зеваю».

Господи. Кажется, я теперь не просто её "истинная па-

ра". Я гребаная нянька. Нянька для малолетней вертихвостки с комплексом королевы и языком, отточенным как бритва. Или... или это её тактика? Она, как слепая, нащупывает мои слабые места – эту животную тягу, это раздирающее меня противоречие – и бьёт прямо в цель, даже не зная точно, куда целится? Это инстинкт? Проклятие?

Открываю дверь со стороны водителя. Я хочу швырнуть её на сиденье. Просто бросить, чтобы она отскочила от кожаного салона, и ударилась о потолок, чтобы почувствовала хоть каплю того унижения, что переполняет меня.

Но в последний момент руки сами смягчают бросок. Она падает на сиденье скорее с неловким шумом, чем с жёстким ударом. Не могу позволить ей сломаться. *Физически*. По крайней мере, *не так, не здесь*. Это чистейший, первобытный инстинкт. Защита своей собственности. Даже если ненавидишь её всем существом.

«Морально... ничего не обещаю», — мысленно огрызаюсь я, пытаюсь вернуть себе крупицу цинизма.

Хотя чёрт с ним, с цинизмом. У меня стойкое ощущение, что она पहले меня всё выжжет и сломает. Превратит в прах и пепел одной лишь своей пассивной агрессией и этим взглядом.

Закрыв перед её носом дверь, я иду к задней пассажирской. Открываю её.

— Садись! — командую я, уже не глядя на пса.

Локи. Сраный Локи. Он поднимается со снега, где лежал,

прижав уши, и, не издав ни звука, запрыгивает на заднее сиденье. Послушный, дисциплинированный. Хотя кто-то в этой... в этой адской стае проявляет признаки разума и адекватности.

И, к моему глубочайшему сожалению, это – собака.

»»————— * —————«««

Приглашаю вас в ещё одну крутую историю нашего моба:
"Альфа. В плену его ненависти" от Миранды Шелтон

<https://litnet.com/shrt/ex7B>

Глава 7. Герман

Обхожу машину, распахиваю водительскую дверь и опускаюсь на холодное сиденье. Пальцы впиваются в руль, костяшки белеют на фоне тёмной кожи. Слишком сильно.

«Расслабься, Герман. Всего лишь мелкая, несносная получеловечка. Не своди из-за неё себя с ума», — мысленно шиплю сам себе, пытаюсь втянуть воздух полной грудью. Но одного взгляда на неё хватает, чтобы все доводы рассыпались

в прах.

Элла.

Эта заноза устроилась на переднем пассажирском сиденье, закинув мокрые мартинсы, обильно усыпанные снегом, прямоком на крышку бардачка. Следы грязи на идеально чистом пластике приборной панели.

— Убери ноги, чёрт возьми, — звучит низко, почти по-звериному. Взгляд, кажется, должен прожечь в ней дыру.

Она кривляется, показывает язык — точь-в-точь избалованный ребёнок, которым, по сути, и является. Убирает ноги с таким видом, будто оказывает мне величайшую милость. Откуда в этом хрупком создании столько дерзости? Но внутренний волк... он, кажется, тает. Наслаждается её бесцеремонностью, впитывает каждый жест как нечто само собой разумеющееся. Почему зверь так готов её принять? Я — нет.

— Зануда, — бубнит она, отворачиваясь к окну.

Тянется взглядом к мелькающим вдали огням своего бывшего дома, отцовской стаи. Прощальный взгляд. Сожаление? Не думаю. Скорее, очередной вызов.

Интересно, приживётся ли она в моих стенах, если я сам не могу принять её как свою пару? Даже мысль об этом кажется абсурдной.

Стараюсь выбросить это из головы. Теперь моя задача — контролировать то, что я получил. Эту девчонку. Иначе я не смогу быть альфой. Не смогу защитить свой клан от той угрозы, что висит над нами дамокловым мечом. Её стая либо

ничего не знает, либо делает вид. А я живу в самом эпицентре. И теперь, помимо своих, отвечаю ещё и за её дерзкую, совершенно человеческую задницу.

Завожу мотор, резко трогаюсь с места. В боковое зеркало ловлю тени чёрных внедорожников – мои ребята, не отстают ни на шаг. Последний взгляд в окно – её отец стоит у ворот. Поза, взгляд – всё кричит об одном: «Сделаешь ей больно – убью». Ещё одна угроза.

Усмехаюсь про себя.

Элла поднимает руку в немом прощании. Кажется, тот долговязый сосунок, которого я так и не забрал, тоже машет ей в след. Плевать. Плевать на всех. Кроме неё. Она теперь здесь. В моей машине, в моём пространстве, в моей жизни. Въелась как яд, от которого нет противоядия. Остаётся только дышать этим ядом и называть его воздухом.

Около часа едем в гнетущей тишине, пока она снова не закидывает ноги на панель. Терпение лопается.

— Сколько раз можно повторять? Убери ноги.

Откуда в ней столько наглости?

Она с театральным вздохом опускает ноги, но её янтарные глаза впиваются в меня. Дерзкая, безумная, невыносимая. И моя. Чёрт бы её побрал. Это не предназначение. Это самое настоящее проклятие.

— А ты всегда такой нудный динозавр?

Не могу сдержать усмешку. Уже потерял счёт, сколько раз она обзывала меня именно так. Интересно, как она сохра-

нит мой номер в телефоне? "Альфа-динозавр"? "Старик-зануда"? А может просто... "Любимый"?

Последнее – скорее нет, чем да. Вряд ли там будет что-то ласковое. Мы ненавидим друг друга. Но эта ненависть обжигает, как огонь, а наша "связь" – тягучая и неотвратимая, как болото.

— Может, я и динозавр, — говорю я, бросая на неё колкий взгляд. — Но я прекрасно чувствую, как ты течёшь от одного моего взгляда. Отрицать бесполезно.

Жду отпор. Ожидаю, что она взорвётся, начнёт что-то доказывать. Но Элла снова ставит меня в тупик.

— Да, ты мне не противен, — равнодушно констатирует она и прикусывает нижнюю губу. Ту самую, сочную губу, которую так и хочется захватить зубами, почувствовать её вкус и... вкус её крови.

Прочищаю горло, пытаюсь загнать взбесившегося внутреннего зверя обратно в клетку. Но её следующая фраза заставляет его рвать все цепи. Он рычит у меня внутри, требует пометить её, сделать своей раз и навсегда.

— Как и многие симпатичные мужчины, — небрежно добавляет она, глядя в окно. — Думаешь, ты один такой? Я уже чувствовала... возбуждение...

Резко бью по тормозам. Резина взвизгивает на обледененной обочине. В зеркале вижу, как встают на якорь машины моих ребят. Бросаюсь к стеклу, распахиваю его, и голос вырывается хрипло, продираясь сквозь рык, который рвётся из

груди:

— Езжайте! Мы... ненадолго.

Не жду ответа. Вижу в зеркале, как Дэн и другие кивают, понимая, без лишних вопросов. Фары внедорожников плавно уходят в темноту, оставляя нас в кольце тишины и падающего снега. Зверь внутри бьётся о ребра, требуя вырваться. Требуя крови. Не её. Той, неведомой тени, которая осмелилась...

Нет. Она моя. Не тронутая. Я это *знаю*. Чувствую в каждом её вздохе, в самой ауре, что обволакивает её кожу. Но её слова... эти дерзкие, наглые слова... они жгут.

Поворачиваюсь к ней. Медленно. Каждый позвонок скрипит от напряжения. В салоне пахнет теперь только ею, мной и этой взрывоопасной тишиной. Смотрю на неё. Пристально. Так, чтобы она почувствовала тяжесть этого взгляда на своей коже.

— Хочешь сказать, что уже не девственница? — звучит низко, как предупреждающий рык перед атакой. Я сжимаю руль так, что пластик трещит. — Я чувствую, что ты не спала ни с кем. Отвечай!

Чёрт. Это прозвучало именно так, как я и боялся. Как ревнивый, одержимый самец, у которого увели добычу. Меня так никогда не выводили. Ни Вероника, ни одна другая. Никто. А эта... эта полукровка, этот сгусток дерзости и противоречий...

«Скоро буду седым, как её родня», — мелькает язвитель-

ная мысль, но ирония тонет в волне чистой, животной ярости.

Она смотрит на меня. Эти янтарные глаза, в которых плещется вызов и... игра. Всегда игра. Уголки её губ ползут вверх.

— Я и не спала, — произносит она, и в голосе скользит насмешка. Прямой укол. Провокация. И она попадает точно в цель.

Внутри всё сжимается, а потом взрывается белым светом желания. Не просто желания. Присвоения. Заклеймения. Чтобы каждый, кто посмотрит на неё, понял. Чтобы в её крови, в её запахе навсегда остался *мой* след. Волк мечется, рычит, царапает изнутри, требуя сейчас же.

И вот она продолжает. Спокойно, словно обсуждает погоду:

— Ну хорошо, не совсем, конечно, я возбудилась от этого. Было не так уж и плохо. Поцелуй. Но скажу сразу: мокро, слюняво, с языком. Нормально, в общем. Но чего-то не хватило...

Тишина после этих слов густеет, становится вязкой, как смола. Я слышу собственное дыхание – тяжёлое, неровное. Вижу, как капелька влаги скатывается с её влажной нижней губы, той самой, которую я уже мысленно прикусил, ощутил на вкус.

«Чего-то не хватило...»

Эти слова висят в воздухе. Приглашение? Вызов? Конста-

тация факта?

Мой зверь замирает на секунду, а потом издаёт звук, не похожий не на рык, не на стон – что-то среднее, глубокое, идущее из самой преисподней моей сущности.

Я – альфа. Мой разум должен править зверем, а не наоборот. Если я и дальше буду метаться между желанием придумать её и желанием... коснуться, я потеряю всё.

Может... поцелуй? Просто поцелуй. Аккуратный, контролируемый. Всего лишь прикосновение. Так я смогу доказать и ей, и себе, и этому рычащему внутри чудовищу, что я всё ещё хозяин положения. Что я могу быть рядом с ней и не терять голову. Что один лишь её запах не сводит меня с ума до полной потери остатков разума.

Это глупость, Герман. Самоубийственная, идиотская глупость.

Но мой внутренний волк затихает, услышав эту мысль. Не просто затихает – он замирает в ожидании, весь его гнев и ярость сменяются острым, почти болезненным любопытством. Он *хочет* этого. За что я его почти ненавижу в этот момент. Он предатель. Он ведётся на её запах, на её дерзость, как самый последний неопытный подросток.

Я медленно поворачиваюсь к ней всем корпусом. Скрип кожаного сиденья кажется невероятно громким в этой тишине. Снег за окном теперь падает ровной, плотной стеной, отрезая нас от всего мира. Остались только мы двое в этой ледяной, металлической капсуле.

Мой взгляд находит её. Она уже не смотрит в окно. Она смотрит прямо на меня, и в этих янтарных глазах нет ни страха, ни насмешки сейчас. Только изучающее, пристальное внимание. Она словно читает каждую мысль, каждую борьбу на моём лице. От этого становится не по себе. Неужели я *настолько* прозрачен? Или это просто наша связь, эта проклятая тяга, выдаёт меня с потрохами?

Я ловлю себя на мысли, что надеюсь на отказ. Глупо, истерично надеюсь. Пусть скажет "нет". Пусть высмеет, назовёт старым извращенцем, кем угодно. Тогда я смогу зарычать, отвернуться, завести мотор и продолжить путь, заточив эту ярость и фрустрацию обратно в стальную клетку самоконтроля. Будет тяжело, будет больно, но это будет проще. Предсказуемо.

Но если она согласится... Чёрт. Если она согласится, то это будет шаг в тёмную, неизвестную пропасть. От одного прикосновения может рухнуть всё хлипкое равновесие, которое мне удавалось поддерживать с момента, как я её увидел.

Я открываю рот. Слова выходят не те, что я планировал. Они вырываются низко, хрипло, обволакивая салон той самой угрозой, от которой я пытался уйти.

— Хочу поцеловать тебя.

Звучит как приговор. Как ультиматум дикого зверя, а не просьба разумного существа. Я вижу, как её брови чуть приподнимаются. Не испуг. Интерес.

Прочищаю горло. Ком в нём не исчезает. Пытаюсь исправить, смягчить, выдать это за рациональное решение, а не за животный порыв.

— Если хочешь, конечно... — добавляю я, и ненавижу слабость, просочившуюся в голос. — Я не настаиваю...

Враньё. Слошное, тотальное враньё. Я настаиваю. Каждая клетка моего тела настаивает. Я настаиваю уже с той самой секунды, как она села в эту машину и закинула свои грязные ботинки на мой бардачок. Я просто пытаюсь завернуть этот первобытный вопль в обёртку цивилизованного выбора. Для неё. Или для себя? Чтобы потом, когда всё пойдёт к чёрту, я мог сказать: «Но я же дал ей выбор!»

Она смотрит. Молчит. Её взгляд скользит по моим губам, по напряжённой линии челюсти, возвращается к глазам. Она видит. Видит борьбу, видит этот жалкий самообман. И в уголках её губ начинает играть та самая хитрая, невыносимая усмешка. Та, что сводит меня с ума больше, чем пассивная злоба.

Правда в том, что я одержим. Одержим её запахом – диким, сладким, с горьковатой ноткой дерзости. Одержим самой её близостью, этой неоспоримой реальностью: моя предназначенная пара сидит в полуметре от меня, и между нами – лишь тонкий слой воздуха, который вот-вот может вспыхнуть.

И вот она произносит это. Спокойно. Чётко. Без тени сомнения или кокетства.

— Да... хочу попробовать...

Твою мать.

В голове взрывается атомная бомба из чистого, неразбавленного шока. Она не отказывает. После всего. После моей ненависти, после слов, что считаю её – наказанием судьбы. После всего этого, она хочет попробовать?

Она действительно безумна. Или безумен я? Весь этот цирк – авария с Региной, эта внезапная связь, её переезд, – всё это свело меня с ума. И теперь единственным логичным выходом из этого безумия кажется... погрузиться в него с головой.

Мой внутренний волк не рычит. Он завывает. Тихим, победным, нетерпеливым воем. Он уже празднует, а я сижу, окаменев, пытаюсь заставить своё тело двигаться.

«Всё из-за неё.»

Эта мысль проносится снова.

«Всё из-за этой хрупкой, дерзкой, невыносимой полукровки. Она перевернула мой мир с ног на голову за один вечер.»

Я медленно отпускаю руль. Пальцы затекли, костяшки всё так же белы. Движение кажется невероятно медленным, как под водой. Замок моего ремня щёлкает – резкий, отчётливый звук в тишине. И почти сразу же – второй, эхом. Её. Она делает всё то же самое.

Надеюсь... мы не набросимся друг на друга как голодные звери?

Стараюсь об этом не думать. Мысли – это предатели. Они замедляют, вносят сомнение. А сейчас нужно только действие. Чистое, неразбавленное ощущение.

Бросаю взгляд в зеркало заднего вида. На заднем сиденье, свернувшись калачиком, спит этот мохнатый Локи. Храпит еле слышно, даже не подозревая, какое напряжение наэлектризовало воздух в салоне. Отлично. Пусть спит. Единственное послушное создание в этой машине. Единственное, кто не сводит меня с ума.

Подвигаюсь ближе к ней. Скрежет кожаного сиденья под мной звучит неприлично громко. Расстояние между нами сокращается, превращается из пространства в пограничную линию, вот-вот готовую стереться.

Мои руки тянутся к ней сами – помимо воли, помимо разума. Их цель – её волосы. Эти спутанные, белые, как первый снег, пряди. Я хочу узнать какие они на ощупь.

И я касаюсь. Кончики пальцев сначала лишь скользят по поверхности, а потом погружаются глубже. Они холодные. Пахнут ветром, лесом и чем-то неуловимо её. Я сжимаю пряди в кулаке, не сильно, но достаточно, чтобы почувствовать её вес, её реальность. И притягиваю её голову к себе.

Она не сопротивляется. Подаётся вперёд легко, будто ждала этого. Наши носы соприкасаются. Тёплый кончик её носа касается моего. Дыхание смешивается – моё тяжёлое и горячее, её – более частое, отрывистое. Губы... в миллиметре друг от друга. Я чувствую исходящее от них тепло.

— Всего лишь поцелуй, — выдыхаю я ей прямо в губы. Слова больше для себя. Заклинание, оберег от того безумия, что бурлит у меня внутри.

Она не отвечает, просто кивает, почти незаметно. Её янтарные глаза прикрыты, длинные ресницы отбрасывают тени на скулы. Она кажется... тихой. Покорной? Нет. Это не её стиль. Скорее, сосредоточенной. Внимающей каждому сигналу моего тела. Такая необычная. Такая опасная.

Мои губы первыми преодолевают последний миллиметр. Они касаются её губ осторожно, почти робко. Проверка на прочность. На истинность.

Она мягкая. Неожиданно, обманчиво мягкая. И сладкая. На губах остался привкус её бальзама или чего-то фруктового. Внутренний зверь, который секунду назад рвался с цепи, внезапно затихает и издаёт долгий, довольный рык, вибрирующий где-то в глубине грудной клетки. *Одобрение. Поощрение.*

Я отрываюсь, всего на миллиметр, чтобы вдохнуть, чтобы увидеть. Её губы теперь слегка приоткрыты, влажные от прикосновения. И тогда я вижу это: её дерзкий, розовый язычок выскальзывает и быстрым, точным движением проводит по её нижней губе, смачивая её, делая её блестящей, невыносимо соблазнительной.

Сдерживаться больше невозможно.

Я снова принимаю к её губам, но теперь уже без намёка на нежность. Это не вопрос, это утверждение. Глубокое, власт-

ное. Моя рука сжимается в её волосах сильнее, притягивая её голову ближе, вынуждая её откинуть голову назад, подставить шею – акт инстинктивного подчинения. Она вздыхает в мой рот, и этот звук – чистый бензин для моего внутреннего пожара.

Она... открывается. Не просто позволяет, а открывается. Её губы размыкаются, и я захожу внутрь, не встречая сопротивления. Только тепло. И влажность. И вкус. Настоящий её вкус, скрытый под слоем сладости – дикий, терпкий, с горьковатой ноткой чего-то незнакомого.

Чёрт. Предохранители.

С треском летят все предохранители. Разум гаснет, остаётся только жгучая, всепоглощающая потребность. Мои руки хватают её за голову, удерживая, фиксируя на месте. Мой рот уже не целует – он поглощает. Пьёт. Пожирает.

Из её горла вырывается стон – глухой, зажатый, проходящий через наши соединённые рты и отдающийся эхом прямо в моём. Эта вибрация сводит с ума. Она цепляется мне в затылок, её пальцы впиваются в кожу, не лаская, а царапая, цепляясь, как будто она тонет, а я – её единственная опора.

Мы задыхаемся. Воздуха не хватает, но оторваться – смерти подобно. Мы хватаем его ртом, когда наши губы на секунду разъединяются, чтобы тут же сомкнуться вновь с новой силой. С моей глотки срывается рык – низкий, дикий, первобытный. Я не просто целую её. Я набрасываюсь. Помечаю. Пытаюсь вобрать в себя самую её суть, впитать её запах, её

вкус, её дерзкий дух через этот поцелуй.

Всё происходит как в тумане, смазано и громко, как будто я смотрю на себя со стороны. И в то же время каждое ощущение – гиперреально, обжигающе остро.

Несколько секунд назад я целовал её, притягивая за голову. Теперь всё смещается, ускоряется. Она подаётся всем телом вперёд, теряет равновесие – или делает вид, что теряет, – и почти падает на меня. Я не отрываюсь от её губ, не могу, это физически невозможно, будто они примагничены к моим. Мои руки инстинктивно находят её бёдра, скользят вниз, хватают за мягкую, упругую задницу, сжимая её сквозь тонкую ткань джинсов. Поднимаю её. Помогаю ей. Сажаю к себе на колени, не прерывая этого безумного, влажного, захлёбывающегося поцелуя.

Воздух в салоне становится густым, влажным, пропитанным нашим дыханием, её запахом и чем-то ещё. Предвкушением секса. Желанием, которое висит тяжёлым, почти осязаемым туманом. Я чувствую, как каждая клетка моего тела кричит от этого. Мне мало. Мало этого поцелуя, мало её веса на мне, мало смутного трения джинсов о брюки. Нужно всё. Больше. Глубже. Ближе.

Её руки, которые до этого впивались мне в затылок, скользят вниз. Пальцы ловко и настойчиво находят пуговицы на моей рубашке. Щелчок, ещё щелчок. Воздух салона касается обнажающейся кожи, но это ощущение тут же смывается жаром её прикосновений. Её ладонь ложится мне на голую

грудь, прямо над бешено колотящимся сердцем. Это прикосновение жжёт, и в то же время заставляет внутреннего зверя издавать долгое, блаженное урчание. *Он балдеет. Он позволяет. Он требует продолжения.*

Мои руки, будто сами по себе, снова сжимают её задницу, притягивая её плотнее, ближе к себе. И тогда я чувствую это. Через все слои одежды – жар её тела и мой собственный, дикий ответ. Стояк, каменный, болезненно-тугой, упирается в ту самую мягкую, сводящую с ума точку между её раздвинутых бёдер. Она прижимается, двигается почти незаметно, инстинктивно, искажая черты моего лица в гримасе чистого, животного наслаждения, перемешанного с агонией самоконтроля.

Дерьмо. Кажется, я сейчас кончу прямо здесь, от одного только этого трения, как подросток-недотёпа. Настоящий конфуз. Позорище.

Но остановиться невозможно. Её губы, её язык, её руки на моей коже, её вес на мне – всё это сплетается в один сплошной водоворот ощущений, выжигающий последние крупички разума.

— Стой... — слово вырывается у меня хрипом, когда я с титаническим усилием отрываю на миллиметр свои губы от её распухших, влажных, покрасневших губ. Дышу, как загнанный зверь, воздух режет лёгкие. — Стой... слишком опасно...

«Враньё. Опасно было начинать. Опасно было подпускать

её так близко. Сейчас уже поздно.»

Говорю я это не ей, а самому себе. Попытка последнего, отчаянного рывка к спасительному берегу здравомыслия, пока мои собственные пальцы всё ещё впиваются в её джинсы, почти до боли сжимая мягкую плоть под ними. Я не отпускаю её. Не могу.

Запрокидываю голову, упираясь затылком в подголовник, и смотрю на неё снизу вверх. Она восседает на мне, как королева на троне. Её белые волосы ещё более растрёпаны моими руками. Губы – ярко-красные, влажные, слегка приоткрытые от учащённого дыхания. На нижней – крошечная ранка, капля крови, которую я, наверное, прокусил. Глаза, эти янтарные омуты, горят таким огнём, что, кажется, можно обжечься. Бедра её широко разведены в стороны, обнимая мои, и эта картина, этот намёк, эта доступность сводят с ума. Ещё чуть-чуть. Ещё один неверный, слабый момент – и я порву эти проклятые джинсы, доберусь до пьянящей, запретной киски, которую уже сейчас чувствую кожей, и тогда всё будет кончено.

Но я не могу. Обязан остановиться.

— Ещё... — хрипит она. Её голос низкий, грубый от желания. Взгляд пристальный, не моргающий. Она нарочито медленно проводит кончиком языка по своей нижней губе, смачивая её, и это движение, такое простое, такое животное, заставляет всё моё тело содрогнуться в судороге ожидания. — Ещё... я хочу ещё...

Чёрт. Чёрт. Чёрт.

Это не просьба. Это приговор. Это финальный гвоздь в крышку гроба моего самообладания.

Внутри что-то с грохотом обрывается. Огромная, ржавая цепь, сдерживающая зверя, лопается. Где-то в глубине сознания мелькает последняя мысль, слабая, как шёпот:

Это конец. Точка невозврата.

Я больше не в силах бороться.

»»————— * —————««

Приглашаю вас в ещё одну крутую историю нашего моба:
"Альфа. Не смотри в глаза" от Елены Арматиной

<https://litnet.com/shrt/EVaf>

Глава 8. Герман

Резкий рывок вперёд – и моя ладонь уже на её шее. Не сжимаю, нет. Просто чувствую под пальцами быстрый, бешеный пульс, бьющийся в унисон с моим. Это яростное, глухое эхо «да».

И наши губы снова сталкиваются.

Это уже не поцелуй. Это захват. Это падение в пропасть с открытыми глазами. Я впиваюсь в её губы с остервенен-

нием, кусая, пока не чувствую солоноватый привкус металла – её кровь или моя, уже не разобрать. Мне мало. Твою мать, до отчаяния мало этой сладкой пытки. Всё моё существо ревёт одним-единственным, примитивным требованием: взять. Трахнуть. Разорвать эту хрупкую, ненавистную девственность и присвоить её себе навсегда, оставить на ней шрамы, которые ничто не сотрёт.

Зверь воет внутри, бьётся о рёбра, требуя выпустить его наружу. Я еле сдерживаюсь, чтобы не сбросить её с колен, не придавить к сиденью, не наброситься с тем сумасшедшим, первобытным голодом, который выжигает всё на своём пути.

Ещё...

Это слово звенит у меня в висках, как набат. Она сама сказала. Сама попросила.

Если она так хочет... будет ей ещё. Всё, что она просит, и даже то, о чём не смеет.

С хриплым рычанием я отрываюсь от её распухших губ, хватаю её за белые волосы на затылке и оттягиваю её голову назад, обнажая длинную, изящную линию горла. Господи... До чего же она чудовищно, несправедливо прекрасна в этот момент. Лицо в пятнах румянца, губы влажные, сияющие, с той самой крошечной ранкой. И глаза... Эти янтарные глаза смотрят на меня без тени страха. Только вызов. И голод, зеркальный моему.

И я сам себе не верю, что думаю это о ней. О ней – ненавистной паре, полукровке, проблеме. Но мой внутренний

зверь в экстазе. Он бредит ею, он признал её своей, и я, жалкая разумная оболочка, уже не в силах сопротивляться этой магнетической тяге. Особенно... особенно теперь, когда я уже узнал её вкус. Он стал необходимостью. Наркотиком.

— Хочу трахнуть тебя, — вырывается у меня хриплый, низкий рык. Мои пальцы сильнее впиваются в её волосы, и я вижу, как по её лицу пробегает судорога – не только от боли, а острого, почти болезненного наслаждения. — Слышишь? До потери пульса.

Она дышит неровно, прерывисто, зрачки расширены так, что от янтаря остались лишь тонкие ободки. Значит, не такой уж я для неё динозавр. Значит, она хочет. Она горит. И, возможно, эта её тихая, спящая внутренняя волчица... тоже не может сопротивляться этой связи. Этому притяжению, которое бьёт током между нами.

Стоп.

Мысль врежется в сознание, отрезвляя на мгновение.

Её внутренняя волчица.

Чувствую ли я её? Нет. Ничего, кроме огня человеческого желания в её глазах. Но что, если... Что, если секс, этот первобытный животный секс, станет тем самым ключом? Что, если моё прикосновение, моя сила, моя... принадлежность к этому миру пробудят в ней то, что спит?

«А если она обратится?»

Эта мысль не пугает. Она сводит с ума по-новому. Жгуче, грызуще, невыносимо. Мне не нужна была ни она, ни ее про-

будившийся зверь. Я хотел тишины. Хотел, чтобы она исчезла. Но теперь, с ее весом на моих коленях, с ее запахом в легких, с ее покорным изгибом шеи в моей руке... от одной мысли, что я мог бы быть тем, кто разбудит её волчицу, меня начинает грызть что-то тёмное, острое, хищное. Не страх. Нет. Что-то вроде... жадного любопытства. Права собственности. Волк воет в согласии, требуя испытать эту гипотезу на практике.

А я... чёрт возьми, я уже и сам не знаю, чего хочу. Только знаю, что не могу остановиться.

Её ответ, эта полная, безоглядная капитуляция, выбила землю из-под ног. Я ждал насмешки. Оскорбления. Холодного отпора. Всего, но не этого немного, дрожащего согласия, написанного в каждом содрогании её тела. Или я просто ничего не понимаю? Ни в ней, ни в этом новом мире, где такие, как она, могут так смотреть, так дышать, так отдаваться?

Вопрос вибрирует во мне и тут же растворяется, сожжённый жаром её губ, которые снова находят мои – уже не ждущие разрешения, а берущие своё.

Дыхание сбито. Сердце бьётся где-то в горле, тяжёлым, глухим молотом. Мои руки, будто живые сами по себе, скользят по её спине под толстой тканью толстовки, прижимая её к себе так, что рёбра должны бы трещать. Но она не сопротивляется. Только издаёт тихий, прерывистый звук, когда я вдавливаю её в себя ещё сильнее. И этот запах... Чёрт. Он сводит с ума. Чистая кожа, пот, возбуждение, её

духи – всё это смешивается в один опьяняющий, опасный коктейль. Я тону в нём. Голова кружится.

Рука, движимая чистейшим инстинктом ныряет под ткань, нащупывая хрупкие рёбра, тонкую талию, а затем... затем эти соблазнительные, проклятые выпуклости, обтянутые тончайшим кружевом. Грудь не огромная, но совершенная. Идеально лежащая в мою ладонь. Я сжимаю сильнее, чем, наверное, стоит. Сквозь кружево чувствую, как её сосок затвердевает, становится маленькой, твёрдой горошиной под моими пальцами. Хочу сорвать эту тряпку. Хочу попробовать её кожу на вкус, зажать этот розовый кончик между губами, услышать, как она закричит.

Она издаёт гулкий, сдавленный стон прямо мне в губы, и во мне что-то рвётся. Вторая рука, без спроса, без раздумий, следует за первой. Теперь я держу обе её груди, сжимаю, мну, заставляя её соски торчать через тонкую преграду кружева. Она отрывается от поцелуя, задыхаясь. Глаза полузакрыты, затуманенные. Её бедра непроизвольно ёрзают по моим, и сквозь слои джинсы и белья я чувствую жар. Чувствую, как мой собственный член, окаменевший от боли и желания, отзывается на это движение пульсацией. И знаю – знаю по тому, как она движется, по влажному теплу, которое излучает всё её тело – она готова. Чёрт возьми, она более чем готова.

Пелена на глазах. Голос, который вырывается из меня, хриплый, чуждый:

— Почему ты не останавливаешь меня?

Я продолжаю сжимать её грудь, и с каждым движением пальцев по её чувствительной коже она издаёт тихие, прерывистые стоны. Её поза — полная капитуляция. Бёдра разведены, губы влажные, припухшие, с крошечной ранкой от моего укуса. Она прекрасна. И я знаю, что это ловушка. Но остановиться уже не могу. Это слишком большой соблазн.

— Или тебе хочется ощутить старый член динозавра в своей тугой дырочке? — слова вылетают вместе с усмешкой, которая больше похожа на оскал боли.

Я весь в напряжении, каждая мышца готова сорваться, яйца переполнены, тяжелы. Никогда. Никогда в жизни я так не хотел кого-то. Тем более её, эту язвительную, несносную полукровку. Будь она не моей навязанной парой... но она есть. И то, что я чувствую сейчас — дикое, всепоглощающее, животное возбуждение — не сравнится ни с чем. Оно перечёркивает всю нашу вражду, все её колкости.

«Именно этого ты и хотел, Герман!» — яростно шипит внутри меня голос, похожий на мой, но более тёмный. «Ты же сам в глубине души жаждал этой связи. Такой же неотвратимой, как удар молнии. Такой же разрушительной, как цунами. Вот он — твой шанс всё сломать.»

Я отмахиваюсь от мысли, резко, почти жестоко щипаю её сосок через кружево.

— Ай! — её визг обрывается низким стоном. Она выдыхает, и её слова долетают до меня сквозь густой туман желания: — Мне просто... интересно. Ты достаточно опытный,

я уверена, способен показать мне то, что происходит между мужчиной и женщиной... ну... — она запинаясь, и её янтарные глаза вспыхивают вызовом. — Признаю, ты не совсем мужчина, ты оборотень...

Не совсем мужчина.

Слова бьют болезненно, как по яйцам. Но не обижают. Они подливают масла в огонь. Во мне что-то взрывается — смесь ярости и дикого, неприличного возбуждения. Она только что назвала меня не мужчиной? Эта наглая, дерзкая...

— Попробовать? — мой голос звучит глухо. Рука, сжимавшая её грудь, выдёргивается из-под одежды с такой яростью, что она вздрагивает. Пелена перед глазами сгущается, становится красной. — С кем попробовать?

Я не даю ей ответить. Резким, грубым движением я хватаю за молнию, расстёгивая толстовку и стягивая её с плеч, обнажая тонкую белую кожу, эти хрупкие ключицы, кружевные лямки лифчика. Она резко втягивает воздух, и на её щеках вспыхивает румянец. Стыд? Поздно, милая. Для всего поздно. Особенно для меня.

Я не могу больше ждать. Я набрасываюсь на её шею, как животное. Мои губы, зубы, язык жадно исследуют чувствительную кожу, я слышу её прерывистые вздохи, чувствую, как её пальцы впиваются мне в волосы на затылке, не отталкивая, а притягивая. Это сводит меня с ума окончательно. Мысль о том, чтобы просто разорвать эти джинсы и войти

в неё — грубо, быстро, без сантиментов — становится единственной в моей голове. Без защиты. Без нежностей. Только чтобы доказать. Чтобы она запомнила. Чтобы этот её дерзкий рот знал, кто здесь на самом деле мужчина.

Я отрываюсь от её шеи, оставляя там красные следы. Смотрю прямо в её расширенные зрачки.

— И с кем ты ещё хотела это сделать? — мой вопрос — низкий, хриплый рык. Я прижимаюсь губами к её уху, чувствую, как она дрожит. — Кто он? Кто посмел даже подумать о том, чтобы стать твоим первым?

Я не жду ответа. Ответа я, наверное, боюсь. Вместо этого я снова кусаю её шею, без намёка на нежность. Она вздрагивает, её ногти впиваются мне в кожу так, что, кажется, протыкают насквозь. Но я не чувствую боли. Во мне только белый шум ярости и желания, и одна навязчивая, жгучая мысль: *Моя. Ничья больше. Никогда.*

— Ты убьёшь его? — выдыхает она, и её дыхание обжигает моё ухо.

Первозданный, животный рык поднимается из моей глотки, прежде чем я успеваю его сдержать. Мои пальцы, всё ещё вцепившиеся в её волосы, непроизвольно дёргаются, и она замирает, понимая, что задела что-то глубокое, тёмное и неподвластное контролю.

— Ты ещё спрашиваешь? — звук моего голоса низкий, хриплый, будто из-под земли. Я наклоняюсь снова, не в силах удержаться, и мои зубы сжимают её кожу в немом обе-

щании. Жгучем, болезненном знаке собственности. — Да я разорву любого на куски. На атомы. А потом приду с его кровью на руках и трахну тебя прямо там, где увижу, пока ты не забудешь, как он дышал.

Ну всё. Конец. Адский, всепоглощающий ужас, которого я боялся больше всего — эта проклятая, безумная одержимость — накрывает меня с головой. Она не просто в моей крови. Она в костях, в каждом нервном окончании. Мысль о том, что чужая рука коснулась её кожи, что чужой взгляд видел её такую — смущённую, любопытную, юную — сводит разум в точку яростной, слепой боли.

— Тогда не скажу, — её голос звучит рядом, и в нём я слышу ту самую, едва уловимую, дерзкую улыбку. Ту, что сводит меня с ума. Но сейчас она действует на меня, как красная тряпка на быка.

Я резко поднимаю голову. Наши взгляды скрещаются. В её янтарных глазах — вызов, азарт, ребячливое любопытство к опасности. Для неё это всё ещё игра. Увлекательный, запретный эксперимент с обезумевшим оборотнем. Желание обладать ею, выбить из неё это глупое выражение, заменить его чем-то настоящим — страхом, болью, немим благоговением — становится физическим, почти невыносимым.

Она облизывает губы, и этот маленький, бессознательный жест заставляет всё тело напрячься.

— Отец застал нас. Ну и... в общем, ни до чего не дошло. А потом он наказал меня на месяц. Мне тогда было семна-

дцать. А парень был... довольно симпатичным. Я не собиралась заниматься с ним сексом, если ты об этом.

Она видит. Конечно, видит. Видит в моих глазах не просто желание, а намерение. Намерение запереть её. Спрятать от всех. Обнести колючей проволокой и выжечь кислотой землю вокруг, чтобы никто, никто не смел даже приблизиться. Желание убить за неё любого. И тут же, на этой же земле, затоптанной трупам, взять её так грубо и окончательно, чтобы в её памяти навсегда остался только я. Только мой вкус, мой запах, моя боль и моё наслаждение.

— Продолжай, — вырывается у меня. Слово больше похоже на предсмертный хрип. Я едва держу себя в руках. Каждая мышца напряжена до дрожи.

— В общем... ничего не вышло. А потом просто... было не до этого.

Не до этого.

Эти три слова повисают в воздухе между нами. Я замираю, анализируя их, пропуская через решётку своей ярости. И там, в самой глубине этого кипящего котла, рождается что-то... неожиданное.

Уважение.

К её отцу.

К этому старому лицемеру, этому предателю нашего вида, который смешивает свою кровь с человеческой.

Но в этот момент, глядя на неё – целую, неосквернённую, мою по какому-то извращённому стечению обстоятельств –

я понимаю его порыв. Животный, необъяснимый, абсолютный. Защитить своё. Спрятать. Уберечь от чужих глаз, чужих рук. Даже если это "своё" – строптивая, безумная полукровка, не знающая своего места.

Но я – не он. Мой способ защиты... и обладания... будет другим. Более прямым. Более жестоким. Более окончательным.

Я медленно выдыхаю. Воздух выходит из меня со свистом. Взгляд скользит по её лицу, останавливается на припухших губах, на сияющих глазах, на красных отметинах на её шее – первых печатях моей одержимости.

— Знаешь, — говорю я, и мой голос странно спокоен на фоне бешеного стука сердца. Я приближаю лицо к её, пока наши лбы почти не соприкасаются. — Я даже рад. Я чертовски рад, что этот старик не дал ему... закончить начатое.

Потому что это – моё.

Её первый вздох от боли и удовольствия. Её первый стон, сорвавшийся с губ не в шутку, а в настоящем, животном экстазе. Её первая капля крови, размазанная на бёдрах в моём акте обладания.

Это всё будет моим. Только моим.

И никому больше. Никогда.

Мои руки опускаются с её волос на бёдра, сжимая их так, что она вздрагивает.

— Потому что то, что он недоделал... — Я поднимаю её, заставляя встать на колени надо мной, и смотрю снизу вверх

в её широко раскрытые глаза. — Я сделаю сейчас. До конца. Без всяких "но" и "если". Поняла?

— Может... не сейчас?

Она шепчет это, и этот звук, как слабый ветерок, который пытается потушить лесной пожар. Я вижу, как в её глазах, затуманенных той же страстью, что и мои, проступает страх. Что-то новенькое. Непривычное. Она боится? Боится меня? Боится того безумного животного, в которого она сама же меня превратила своим дерзким любопытством?

Эта мысль должна остановить меня. Должна... но нет. Она лишь подливает масла в адский огонь внутри. Этот страх... он делает её реальной. Хрупкой. Уязвимой. Не просто дерзкой, а живой, слабой в моих руках. Это то, чего я жаждал подсознательно — сорвать с неё все маски, всю эту браваду, и увидеть то, что скрывается под ней. Настоящую её. И вот она.

Кажется, меня уже не оттащить. Луна ли, судьба создали этот проклятый союз. Не знаю. Но я получил её такую, какой она сейчас есть: сбитую с толку, распалённую, испуганную. Щедрый подарок. И я возьму его. Весь. Без остатка.

— Нет, — мой голос звучит низко, но это уже не рык. Это окончательный, железный приговор. — Я сделаю тебя своей. Я так хочу.

Мои руки, которые только что сжимали её бёдра, поднимаются. Уверенно, без тени сомнения, они накрывают её грудь через тонкую ткань лифчика. Она вся вздрагивает, и

издаёт долгий, сдавленный стон. Звук этот проникает прямо в позвоночник, зажигая там новую волну жгучего желания.

Я тяну её на себя, и она податливо, почти безвольно падает, пока её грудь не оказывается прямо перед моим лицом. Мой взгляд прикован к кружеву, за которым скрывается голая кожа. Медлительности нет. Движения резкие, точные. Я срываю лифчик вверх, обнажая её.

Воздух застревает у меня в горле.

Она прекрасна. Не в том смысле, что идеальна. Она – живая. Кожа молочно-белая, кремовая, такая нежная, что кажется, я оставлю синяк одним лишь взглядом. Соски – розовые, твёрдые, призывно набухшие. Я хочу этого. Хочу коснуться, изучить каждый сантиметр, каждый изгиб. Запомнить вкус, запах, текстуру так, чтобы даже в кромешной тьме я мог бы воссоздать её образ.

Я не сдерживаюсь. Мой рот накрывает её сосок, жадно, поглощая почти всю грудь. Язык обвивает нежную кожу, зубы слегка сжимают твёрдый бугорок. Я облизываю, покусываю, втягиваю в себя её плоть. В голове – белый шум. Бешеный ритм сердца. И одна мысль, пульсирующая в такт желанию: *Сошёл с ума. Окончательно и бесповоротно.*

Кусаю сильнее. Она резко вздрагивает, её тело выгибается, и пальцы впиваются мне в плечи.

— Герман... — её голос хриплый и тихий. — Может... позже?

Позже. Ну... нет. Эта маленькая провокаторша разожгла

во мне этот адский костёр, раздула его до небес одним лишь своим существованием, своим вызовом, своим проклятым любопытством. А теперь, когда пламя готово поглотить её, она пытается отступить? Нет. Не получится. Ты разбудила зверя. Теперь корми его. До конца.

— Нет, — снова это слово. Единственное, что осталось в моём распоряжении. Всё остальное захватил инстинкт.

Я притягиваю её к себе так, что её живот оказывается прямо перед моим лицом. Кожа здесь ещё более гладкая, теплая. Я целую её пупок, затем опускаюсь ниже, покусывая нежную кожу над резинкой джинсов, оставляя дорожку поцелуев. Мой язык скользит по ней, жадно впитывая её соль, её запах. Хочу запомнить её. Везде.

Моя рука, будто живое существо, отдельное от меня, тянется к ширинке её джинсов. Пальцы нащупывают холодную металлическую молнию.

И тут её рука накрывает мою. Ладонь маленькая, горячая, дрожащая.

— Пожалуйста... — её шёпот надломлен, в нём слышна настоящая мольба. Борьба в её глазах достигла пика — тёмное, тягучее желание борется с чистым, животным страхом. — Давай... не сейчас...

Это "пожалуйста" должно отпереть клетку и выпустить на свободу последние остатки моей человечности. Но человек мёртв. Задушен. Остался только зверь, ослеплённый своей добычей.

Игнорирую. Игнорирую её руку, её взгляд, её мольбу. Мои пальцы действуют молниеносно – расстёгивают пуговицу, дёргают молнию вниз.

И я вижу. Гладкие, тёмные трусики, обтягивающие её киску. Такие хрупкие. Такие ненужные. Я хочу их сорвать. Разорвать в клочья. Убрать последнюю преграду.

Но сначала... запах. Он ударяет в нос, густой, сладковато-пряный, пьянящий. Запах её возбуждения. Её страха. Её готовности, которую она сама в себе отрицает. Он сносит последние остатки каких-либо мыслей.

С жадностью, с которой тонущий хватается за воздух, я набрасываюсь на её живот, опускаюсь ниже, к этой тонкой полоске ткани. Мой нос утыкается в неё, вдыхая, впитывая. Язык проводит по резинке, чувствуя под ней влажное тепло.

Она вскрикивает. Резко, громко. Её пальцы вцепляются мне в волосы на затылке уже не для того, чтобы притянуть, а в попытке оттащить. Но это бесполезно. Её сила – ничто против моей одержимости.

Медленно, с придыханием, опускаюсь ещё ниже, губы уже почти касаются тонкой, влажной ткани трусиков. Её дыхание превращается в прерывистые всхлипы, а пальцы в моих волосах то сжимаются, то разжимаются в беспомощной судороге.

В этот самый миг в тишину салона врежется оглушительный, металлический СТУК.

Он не просто раздаётся – он взрывается о стекло возле

моей головы, резкий, требовательный, чужой. Элла вздрагивает всем телом, как от удара током.

Бешеная ярость мгновенно накрывает меня с головой. Рык вырывается из горла прежде, чем я успеваю его сдержать — низкий, звериный, от которого сама сталь кузова, кажется, должна бы задрожать. *Кто? Кто посмел?*

Инстинкт срывает быстрее мысли. В одно движение я прижимаю её к себе, закрывая своим телом, своей спиной от того, кто за стеклом. Рука автоматически шарят по сиденью, в поисках толстовки. Накидываю на неё, натягиваю капюшон почти на лицо. Вижу, как её пальцы, мелко-мелко дрожа, судорожно поправляют под ткань лифчик, как она, не глядя на меня, застёгивает молнию до самого подбородка.

И затем она резко отодвигается. Плюхается на своё сиденье, вжавшись в дверь, глаза огромные, полные того самого страха и стыда, которые всего минуту назад были такой пьянящей приправой, а теперь — ледяной водой на мою ярость.

И тут, как по команде, из темноты заднего сиденья доносится низкое, предупреждающее рычание. Локи. Чёртов пёс. Спал, храпел, пока я чуть не взял его хозяйку на этом самом сиденье. Идиотский защитник.

«Да уж, друг, — мысленно шиплю я, застёгивая свою рубашку, нащупывая пуговицы, которые её пальцы так легко расстегнули. — Хреновый из тебя страж девственности. Спишь, когда надо бдеть.»

Палец с силой жму на кнопку. Стекло опускается с тихим

гулом, и в салон тут же врывается ледяной ветер, несущий колкие иглы снега. Они впиваются в разгорячённую кожу лица.

И я вижу его.

Стоит, прислонившись к крылу, в чёрной, непромокаемой куртке, руки в карманах. Лицо, освещённое тусклым светом салонной лампы и отблесками далёких фонарей, – каменное, нечитаемое. Сергей Убиволков. Сам. Собственной, грёбаной, персоной.

А за его спиной, отступив на пару шагов, но не теряя бдительности, стоят несколько его людей. Их тени длинные и угловатые на снегу. Их взгляды – острые, оценивающие – скользят по мне, заглядывают в салон, к сжавшейся в комок Элле. Каждый нерв в моём теле натягивается до предела, требуя действий. Требуя крови.

— Чего тебе нужно? — звук моего голоса – это не речь. Это рычание, вывороченное наизнанку, пропитанное обещанием боли. Руки сами сжимаются в кулаки на руле.

Он не моргает. Его взгляд – холодный, как этот январский ветер.

— Выйди на разговор, Герман.

Простое предложение. Приказ, завуалированный под просьбу. Мой взгляд скользит по его людям, по их скрытым под одеждой очертаниям оружия, по Элле, которая замерла, стараясь не дышать. По этому сраному псу, который теперь притих, но уши его стоят торчком.

Договор. Проклятый, сковывающий по рукам и ногам договор. Он висит между нами невидимой, но неразрывной цепью. Я не могу просто разорвать ему глотку. Никому из них.

Яростный, беззвучный выдох. Пар клубится на морозном воздухе.

— Хорошо, — говорю я угрожающе. — Но только я. Она остаётся здесь.

»»————— * —————«««

Приглашаю вас в ещё одну крутую историю нашего моба:
"Каратель: Сопротивление бесполезно" от Ники Горской
<https://litnet.com/shrt/M1ZY>

Глава 9. Элла

Сердце колотится где-то в горле, громко, неровно, заглушая всё. Я плотнее закутываюсь в толстовку, которая теперь пропитана его запахом, и это сводит меня с ума. Мне стыдно. Горячо, мучительно стыдно.

Это должно было быть игрой. Всего лишь игрой. Дразнить его, альфа-динозавра, наблюдать, как в его глазах вспыхивает раздражение и та темнота, что я так наивно считала просто

суровостью. Я хотела понять, что чувствует женщина, которую целует такой мужчина. Тот, чьи руки могут разорвать в клочья, чьё тело – монолит мускулов, а взгляд способен заморозить кровь.

Но я не знала. Не знала, что один его поцелуй сметёт все границы. Что его губы, грубые и требовательные, будут жечь сильнее любого огня. Что его руки на моей коже оставят не синяки, а живое, пульсирующее ощущение, от которого сводит живот. Я не думала, что его вкус – что-то тёмное, пряное и безумно приятное – станет для меня единственным наркотиком. Я не ожидала, что от одного его запаха, когда он прижал меня к сиденью, в висках застучит, а всё тело станет мягким и податливым, будто лишённым костей.

Это превратилось в безумие. Стремительное, всепоглощающее. То, что начиналось как эксперимент «а что, если?», стало свободным падением в чёрную дыру, где не было ничего, кроме его рук, его губ, его тяжёлого дыхания на моей шее. Я потеряла себя. Перестала быть Эллой, которая всё контролирует, которая всегда на шаг впереди. Я стала просто – его. Желанием, плотью, готовой отдаться.

И если бы не этот проклятый стук... Если бы не они...

Я резко выдыхаю, сжимая пальцы в кулаки под тканью. Глаза невольно скользят вниз, к расстёгнутой молнии джинсов, к тому месту, где тонкая ткань трусиков всё ещё влажная, прилипшая к коже. Там пульсирует. Настоячиво, требовательно. Напоминая о том, как его язык едва коснулся ме-

ня, и мир бы взорвался белым светом.

Безумие. Это чистое, неопишемое безумие. Он – подавляющий. Его присутствие заполняет собой всё пространство, давит, лишает воли. И я... я потекла. Как последняя, отчаянная сука. От его прикосновений, от его рычащего голоса, от осознания того, что этот опасный, неконтролируемый зверь хочет именно меня.

Как вообще можно так хотеть чудовище?

Вопрос крутится в голове навязчивый и болезненный. Он же оборотень. Как мой отец. Как вся моя проклятая стая, от которой я с самого начала хотела сбежать. И он – альфа-динозавр, как я его мысленно назвала – он ненавидит таких, как я. Полукровок. Слабых. Человеческих. Он это дал понять без слов, одним взглядом, полным холодного презрения.

Но тогда... почему? Почему этот поцелуй был таким... истинным? В нём не было ненависти. В нём был голод. Звериный, всепоглощающий. Он хотел не просто трахнуть меня. Он хотел сломать, поглотить, стереть в порошок и вдохнуть в себя. Я это чувствовала на клеточном уровне. Каждая частица моего тела кричала ему в ответ.

Неужели... это оно? Те самые дурацкие легенды об истинных парах, которые в стае рассказывают щенкам? Эта химия, против которой бессильны и разум, и страх, и вся моя выстрадавшая независимость?

Я резко отвожу взгляд от окна, бросаю его на Локи. Он

сидит у двери, напряжённый, низко рычит, не сводя янтарных глаз с группы мужчин на улице. Вижу только спину Германа — широкую, мощную, обтянутую тёмным пиджаком, который, кажется, вот-вот лопнет по швам от напряжения его мускулов. Дикий. Неприрученный. И... чертовски красивый. Не красотой журнальной обложки. Красотой утёса, бури, хищника в прыжке.

Чёрт, Элла, о чём ты думаешь? Соберись!

Делаю глубокий, дрожащий вдох. Пальцами, которые не слушаются, застёгиваю джинсы. Ткань трусиков всё ещё влажная, навязчиво напоминая о том, чем всё могло закончиться в той машине. Потом. Подумаю об этом потом. Сейчас нужно выжить. А чтобы выжить, нужно взять инициативу. Он приказал сидеть. Но разве я когда-нибудь кого-то слушалась?

— Сиди тут, Локи. Я скоро, — шепчу я, на секунду касаясь его шелковистой головы. Страж девственности из него, конечно, так себе. Но он — мой друг. И его рычание сейчас — единственное, что напоминает мне, что у меня всё ещё есть своя воля.

Без лишних раздумий я открываю дверь и выхожу.

Вечерний холод бьёт по лицу, обжигая горячую кожу. Я его не чувствую. Вижу только его. Германа. И нескольких незнакомых мужчин вокруг него. Воздух колется от скрытой агрессии, напряжения, которое вот-вот сорвётся в драку.

Я иду. Твёрдо. Не обращая внимания на тяжёлые, оцени-

вающие взгляды, скользящие по мне. Подхожу почти вплотную. Мой шаг заставляет Германа резко обернуться.

Его голубые глаза вспыхивают в полумраке, как глаза волка в свете фар. В них – шквал эмоций: ярость, невероятное, сокрушительное изумление и что-то ещё... что-то тёмное и обжигающее, от чего у меня перехватывает дыхание. Он выглядит так, будто готов меня убить, запаковать в мешок и выбросить с ближайшего моста. Или... или сделать именно то, что мы не успели в машине.

Страх. Он острый, холодный, приятный. Он смешивается с возбуждением в густой, дурманящий коктейль. Я сглатываю, чувствуя, как новая волна тепла растекается между ног. Да, я окончательно и бесповоротно сошла с ума.

— Добрый вечер, — звучит мой голос. На удивление спокойный, почти ледяной. Я делаю ещё шаг, сокращая дистанцию до опасной. До интимной.

Герман не шевелится. Он просто смотрит. Его взгляд – физический вес на моей коже.

— Меня зовут Элла. Я... — голос слегка дрогнул. Чёрт. От его молчаливого взгляда внутри всё сжимается, а потом разливается та самая, предательская слабость. — Я – пара Германа.

Повисает тишина. Слово "пара" висит в воздухе тяжёлым, невозможным признанием. Двое из незнакомцев переглядываются, их лица меняются с враждебных на откровенно любопытные. Я не чувствую от них прямой угрозы. Больше...

недоумение. Изумление.

И тут, словно из трещины в самой реальности, появляется она.

Проталкивается между мужчинами легко, будто их и нет. Девушка. На вид – подросток. Невысокая, в потрепанной дублёнке, под шапкой огненно-рыжие волосы. Когда она подходит ближе, я различаю россыпь веснушек на бледной коже и глаза цвета лесного ореха – умные, старые не по годам и полные острого, живого интереса.

Она смотрит прямо на меня. Потом – на Германа. И губы её растягиваются в широкой, лукавой улыбке.

— У Альфы клана Зверевых появилась истинная пара? — её голос звонкий, чуть насмешливый. Она делает театральную паузу, обводя меня с ног до головы оценивающим взглядом. — И эта пара... человек?

Вопрос повисает в воздухе. Я вижу, как спина Германа напрягается от её слов. Он словно сейчас взорвётся. Или сломаёт мне руку. Или и то, и другое.

Но он не делает ни того, ни другого. Его широкая и тяжёлая рука внезапно ложится мне на талию. Прижимает. Уверенно, властно, будто ставя печать собственности. От его прикосновения по коже бегут мурашки, и всё внутри предательски сжимается от сладкого, и одновременно горького возбуждения. *Ненавижу. Ненавижу эту реакцию.*

— Она не человек, — говорит Герман. Голос низкий, ровный, но в нём – сталь. Он смотрит не на девчонку, а на муж-

чину, того самого, с усталым лицом. Как будто бросает вызов.

Я закипаю изнутри. Его рука на мне горит. Его слова как плевок в душу.

— Я — человек, — выдыхаю я, и мой взгляд впивается в его профиль. Я жду. Жду, чтобы увидеть трещину. И я вижу её. По его скуле пробегает едва заметная дрожь, словно под кожей бьётся жилка. Да, кажется, он станет не просто белым, как я, а седым. И пусть. Так ему и надо.

— Не человек! — он рявкает это, поворачиваясь ко мне. Его глаза пылают так близко, что я отшатываюсь, но рука на талии железная, не отпускает. — Она... полукровка. Просто моя.

Он произносит это обыденно, будто констатируя погоду. "Просто моя". Но я вижу. Вижу, как это даётся ему с трудом. Словно каждое слово — гвоздь, который он забивает в крышку своего собственного гроба. Словно я — чума, смертельная зараза, которой он заразился, без возможности выздоровления. Он ненавидит это. Ненавидит меня. И тот факт, что его тело, его звериная сущность — против него, похоже, выбешивает его ещё больше.

Ублюдок. Всего несколько минут назад его губы жгли мои, а пальцы впивались в бёдра с такой силой, что остались отметины. А теперь я — "просто его полукровка". Презренная обуза.

Яркая, жгучая волна обиды и гнева поднимается к гор-

лу. Хочется вырваться, ударить, закричать. Но его рука держит мёртвой хваткой мою талию. Я лишь посылаю ему самый убийственный взгляд. Весь мой гнев, всё презрение, всю боль я вкладываю в этот один взгляд. Пусть сгорит.

— Я не нанималась быть его парой, — говорю я громко, чётко, обращаясь ко всем. В голосе — вызов. — Так что если Герман найдёт способ избавиться от этого... проклятья, я с радостью воспользуюсь.

Раздаются приглушённые звуки. Кто-то крикает, кто-то резко откашливается. Я вижу, как эти странные люди прикрывают рот ладонями, плечи их подрагивают. Они смеются. Над моей наивностью? Над ситуацией? Или... или над тем, что я только что сказала?

Может, и правда есть способ? Какое-то противоядие от этой дурацкой химии? Я понимаю, что, возможно, сморозила чушь. Но терпеть такое отношение я не хочу. Я не просила этого. Не хотела. Он же альфа. Он бы мог... не знаю, поставить блок, связать себя с другой физической меткой. И всё. Не было бы этой его "нелюбимой получеловечки", которую при этом так и хочет трахнуть до потери пульса. Лицемер. Двумерный, высокомерный...

— Приятно познакомиться, Элла, — голос того мужчины, ну, того хмурого, спокойный и слегка насмешливый, разрывает тишину. Он бросает быстрый, говорящий взгляд на рыжую девчонку. — Я — Сергей Убиволков. Можно сказать... старый друг твоего жениха. Рад познакомиться с такой оча-

ровательной молодой девушкой. Уверен, краски в жизни у Германа станут... насыщеннее.

Да, это стопроцентная издёвка. Сладкая, ядовитая. Я вижу, как челюсть Германа сжимается так, что, кажется, вот-вот хрустнут зубы. Мышцы на его шее напрягаются, как канаты.

Но в голове у меня застревает другое слово. Жениха. Он сказал – "твоего жениха".

Пфф... Какая чушь. Какой жених? Какой брак? Это даже не смешно. Это патология.

Скорее уж, будущие любовники и враги. Враги-любовники. Палач и жертва, которые не могут устоять друг перед другом. Так будет точнее. Так будет честнее.

Я стою, прижатая к его боку, чувствую жар его тела сквозь одежду, слышу его ровное, слишком контролируемое дыхание. Внутри всё бурлит – стыд, гнев, обида и та самая, проклятая, липкая тяга, которая тянет меня к нему, словно магнит.

— Ладно... довольно лирики.

Слова Сергея висят в воздухе – тяжёлые, как свинец. И только сейчас, сквозь шум собственных эмоций, я наконец различаю истинное напряжение между ними. Не просто старые обиды. Не клановая вражда. Нечто... смертельное.

Мой взгляд скользит вниз, к его бедру. Кобура. А там... оружие. Не просто пистолет. Линии знакомые, слишком знакомые. Отец, в те редкие моменты, когда он говорил со мной

как с равной, а не как с глупым ребёнком, показывал мне чертежи. Рассказывал.

Оборотня обычной пулей не возьмёшь. Свинец, сталь – это царапины, которые затянутся за минуты. Нужно особое ремесло. Кто-то из кланов ковал оружие, кто-то торговал редкими сплавами, добытыми бог знает где – в сопках, или в шахтах, куда не спускался человек. Сплав, способный нарушить нашу... *их*... чёртову регенерацию. Превратить царапину в смертельную рану.

Мой отец занимался недвижимостью. Строил для *них* укрытия, убежища, целые кварталы, где они могли быть собой, не опасаясь чужих глаз. А Герман? Что продаёт его клан? Дичь? Шкуры? Или... или вот это? Оружие, что способно убивать его же вид? И, что более вероятно, Сергей и его люди – не соперники по бизнесу. Они охотники. А то, что в их кобурах – трофеи. Купленное у таких, как Герман.

— Я буду следить за вами теперь ещё пристальнее, за всеми вами.

Голос Сергея рубит тишину, холодный и методичный, как удар топора. Он не смотрит на меня. Его взгляд – кинжал, воткнутый прямо в Германа.

— И если то, о чём ты мне только что сказал – ложь, я заставлю тебя заплатить за неё. И помни, наши глаза повсюду.

Угроза повисает в воздухе, но Герман даже не шелохнулся. Но я чувствую, как каждый его мускул натянулся до предела. Как будто внутри него рвётся зверь, желающий уничто-

жить их.

— Я не позволю диким, необузданным тварям убивать направо и налево, сеять хаос. Вообще как-либо обозначать ваше существование. Вы – невидимки, и так должно быть всегда.

Дикие твари. Невидимки. Слова жгут, даже обращённые не ко мне. А не ко мне ли? Я сейчас часть этого "невидимого" мира? Или я для них просто человек-приманка, слабое место Альфы?

Рука Германа на моей талии сжимается так, что у меня перехватывает дыхание. Больно. Он впивается пальцами в кожу, будто хочет впечатать меня в себя, спрятать. Боится, что я сделаю шаг в их сторону? Что выберу "нормальных" людей, а не его, его звериную сущность? Дурак. Я не настолько наивна. Даже если бы я побежала – он достал бы меня из-под земли. Его звериное упрямство, эта одержимость "своим", я уже чувствую её кожей. Так к чему этот спектакль? Зачем это притворство, что я для него – просто обуза?

— Тебе показалось, — рычит Герман. Звук идёт не из горла, а из самой глубины груди, низкий, дребезжащий, разрывающий привычную реальность. Даже шум трассы глохнет перед этим первобытным звуком. — Не было ничего. И тем более – никого из моего клана. И прошу не появляться на моей территории.

Он говорит "прошу". Но в этом слове – обещание разорвать глотку.

Сергей лишь слегка наклоняет голову.

— Я предупредил. А дальше – всё на твоей совести, Герман.

Они разворачиваются. Плавное, синхронное, как хорошо слаженная команда. Идут к тёмным внедорожникам, притаившимся в тени дальше у трассы. Сергей кладёт руку на плечо рыжей девчонки – жест грубоватый, но по-отцовски привычный. Она оборачивается. Её глаза, эти не по-детски, умные глаза, находят меня в полумраке.

— Пока, Элла! — её голос звенит, как колокольчик, слишком жизнерадостный для этой мрачной сцены. Она машет мне рукой, и улыбка её широка и бесстыдна. — Мы ещё встретимся! Обязательно! Я запомню тебя, как первого человека в клане этих... немного диких оборотней.

Я не могу сдержать кривую усмешку. Чёрт побери, да она мне нравится! На вид – тринадцать, от силы четырнадцать. И её отец таскает её на такие "переговоры"? Он совершенно безумен. Но... если она хоть каплю похожа на меня в её возрасте, то, возможно, это единственный способ держать её под контролем. Держать рядом, где видно.

— Пока, — шепчу я одними губами, чтобы никто, кроме неё, не увидел.

И тут стальные руки, которые держали меня у себя на боку, разворачивают меня на 180 градусов. Резко, почти грубо. Спиной к уезжающим машинам, к миру "нормальных" охотников. Передо мной – только тёмная стена груди Германа.

Он заслоняет собой весь мир, оставляя только себя.

Его рука грубо хватает меня за подбородок, пальцы впи-
ваются в кожу, заставляя вздрогнуть от внезапной боли. Он
вынуждает меня задрать голову, и я встречаюсь с его глаза-
ми. Они пылают в полумраке, и в них нет ни капли того хо-
лодного контроля, что был минуту назад. Там буря. Перво-
бытная, необузданная.

— Ты действительно хочешь разбудить во мне зверя, Эл-
ла? — рычит он низко, наклоняясь так близко, что я чув-
ствую его дыхание на своих губах. Оно горячее, прерыви-
стое.

Сердце колотится где-то в горле, но я не отвожу взгляда.
Внутри всё сжимается — от страха, от гнева, от этого возбуж-
дения, которое вспыхивает даже сейчас.

— Мне стало любопытно, кто эти люди, вот я и вышла...
— мои слова звучат хрипло, потому что его пальцы всё ещё
сжимают мой подбородок. — Я не сделала ничего такого!

Низкий, протяжный рык вырывается у него из груди —
звук, который не может издавать человек. Глаза вспыхива-
ют ярче, и я прямо чувствую, как волна агрессии исходит от
него, плотная, почти осязаемая. Он готов меня убить в эту
секунду. Или... или сделать что-то другое. Что-то, от чего
у меня по спине бегут мурашки, а между ног предательски
пульсирует.

Он привык, что все пресмыкаются перед ним. Дрожат,
опускают глаза, немеют от одного его взгляда. Но я... я не

чувствую этого трепета. Не чувствую священного ужаса перед альфой. Во мне поднимается только яростное, упрямое сопротивление. Пусть принимает новую реальность. Пусть эта реальность пробьёт ему его чёртову, высокомерную башку.

— Элла... — моё имя на его губах звучит как угроза и проклятье одновременно. — Если я злой, поверь, это ни к чему хорошему не приводит. И знаешь, что мне хочется сделать больше всего сейчас?

Его рука отпускает мой подбородок, но лишь для того, чтобы спуститься ниже. Широкая, горячая ладонь обхватывает моё горло. Я замираю. Он сжимает. Не чтобы перекрыть дыхание полностью, нет. Воздух ещё поступает, но это грубое, властное давление, напоминание о хрупкости, о том, что он может всё прекратить одним движением. Это унижительно. Это возбуждает. Чёрт возьми, как это дико возбуждает!

Я инстинктивно вцепляюсь пальцами в его плечи, в плотную ткань пиджака, чувствуя под ним стальные мускулы. Боясь? Да. Но и цепляясь. Боясь, что он отпустит. Боясь, что не отпустит никогда.

Он наклоняется ближе, а его губы касаются моего уха. Грубый и хриплый шёпот проникает прямо в мозг:

— Я бы задушил тебя за неповиновение прямо сейчас. Но знаешь... я бы и трахнул тебя за такое. Грубо. Как животное. И мне нравятся оба варианта. Поэтому... — его губы скользят по моей щеке к губам, — я буду душить. И трахать. Как

ты того заслуживаешь.

И прежде чем я успеваю выдохнуть, выругаться, ударить – его губы впиваются в мои. Это не поцелуй. Это поглощение. Это нападение. Грубое, жадное, безумное. Его язык захватывает мой, его зубы царапают мои губы. В нём нет нежности, только дикое, яростное утверждение права. Права на меня. На мой рот, на моё дыхание, на моё сопротивление, которое тает под этим напором.

Мир сужается до точки. До жара его тела, прижимающего меня к холодному металлу машины. До его вкуса, до сжатия его руки на моём горле, которое пульсирует в такт бешеному стуку сердца. Голова кружится, ноги подкашиваются. Единственное, что меня держит – это он. Его тело, его железная хватка.

В ушах шумит кровь. И сквозь этот шум, сквозь хаос ощущений, проскальзывает последняя, отчаянная мысль, прежде чем сознание полностью тонет в нём:

«Зачем вообще мне достался такой придурочный, невыносимый, божественно-невыносимый альфа?»

»»————— * —————«««

Приглашаю вас в ещё одну крутую историю нашего моба: "Волчара" от Амалии Кляйн
<https://litnet.com/shrt/9vI7>

Глава 10. Элла

Герман отрывается так же внезапно, как и начал, оставляя мои губы распухшими, горячими, а в голове – густой, сладковатый туман. Его рука с моей шеи не убирается, только ослабляет хватку, и большой палец проводит по пульсирующей артерии – медленно, почти задумчиво.

Дыхание у него прерывистое, глаза всё ещё горят этим нечеловеческим голубым огнём, в котором смешались

ярость, голод и что-то ещё, от чего у меня сводит живот.

— Полезай в машину, — его голос хриплый, низкий, и каждое слово звучит как приказ, от которого по коже бегут разряды. — Быстро. Пока я не передумал и не лишил тебя девственности прямо на этом капоте.

Он бьёт ладонью по холодному металлу рядом с моим бедром, и звук отзывается гулким эхом где-то глубоко внутри меня.

— И поверь, завтра об этом будут трепаться по всем трешовым новостям Питера. *«Больной мужик трахнул тёлку прямо на трассе.»* Звучит, да?

Он усмехается, но в этой усмешке нет ни капли веселья. Только обещание. Тёмное, порочное, от которого между моих ног предательски пульсирует, становясь влажно и тепло. Чёрт, чёрт, чёрт. Я должна возмутиться, дать пощёчину, поставить его на место. Но ноги будто приросли к асфальту, а взгляд сам тянется к его губам, на которых ещё блестит моя слюна.

— Я не буду нежным, Элла, — он наклоняется ещё ближе, и его слова, обжигающие, падают мне прямо в ухо. — Это будет грубо. По-звериному. Я буду брать то, что мне принадлежит. Так, как мне хочется. Поняла?

Да. Я поняла. И от этих слов внутри всё сжимается и тут же разжимается, проливаясь по ногам горячей, стыдной волной. Я чувствую себя абсолютно ненормальной. Извращенкой, которую возбуждает угроза быть взятой силой. Этим...

животным.

Я облизываю губы, чувствуя на них солоноватый привкус крови – он искушал их. И вспоминаю свои же хвастливые слова о том, что я уже целовалась. Да, это было. С сыном отцовского партнёра, на выпускном. Тот поцелуй был милым, неловким, щенячьим облизыванием по сравнению с тем поглощением, что случилось у меня с Германом. Приятно? Да. Но *не то*. Не это всепоглощающее пламя, после которого кажется, что сгорела дотла.

И я просто ненавижу себя в эту секунду. Потому что мне дико, безумно интересно – а каково это? Отдаться ему. Герману. Этому альфа-динозавру, для которого я всего лишь собственность, грёбаная обуза, которую нужно пометить и подчинить.

Не глядя на него, я обхожу машину. Ноги слегка подкашиваются. Я открываю дверь и плюхаюсь на переднее пассажирское сиденье. Кожа холодная, а я горю.

Очень-очень хочу попробовать этот дикий секс.

Мысль проносится чётко и ясно, заглушая внутренний голос, который пытается кричать о благоразумии. Отец держал меня в такой строгости, в таком стерильном мире, где даже мысль о парне казалась преступлением. А теперь... теперь появился он. И все запреты, все страхи превращаются в одно сплошное, липкое, сладкое любопытство.

Я быстро, искося бросаю на него взгляд, пока он заводит двигатель. Широкие плечи, сильные руки на руле, профиль,

высеченный из камня. И мой взволнованный, похотливый мозг тут же задаёт главный, животный вопрос: насколько он огромен? Поместится ли в меня? Я же... я же девственница. Будет больно или... приятно? Или он порвёт меня на части?

Герман уже сидит за рулём, машина срывается с места с низким рыком. Он не смотрит на дорогу. Его взгляд – тяжёлый, пристальный – пригвождён ко мне.

— О чём задумалась? — его голос режет тишину салона.

Я вздрагиваю, пойманная на месте преступления.

— Да так... ни о чём, — выдыхаю я, отводя глаза в окно, где мелькают огни.

Чувствую его взгляд на своей щеке, на шее, на плотно сжатых бёдрах. Прикусываю нижнюю губу, и слабая боль от укуса заставляет меня содрогнуться.

Господи, Элла... ты... ты извращенка. Ты думаешь о том, каким образом его член поместится в твоей вагине. Тебе не кажется это слишком?

Слишком. Безумно. Опасно. Но любопытство – липкий, грешный червь – точит изнутри. Оно сильнее.

Я снова бросаю взгляд. На этот раз – вниз. На плотную ткань его брюк в области ширилки.

Дыхание перехватывает.

Там... там явная, внушительная выпуклость. И сейчас он выглядит воистину угрожающе. Большой. Толстый. *Дубина*.

В голове мгновенно вспыхивает картинка: этот... этот монстр... внутри меня. Грубо, по-звериному, как он и обе-

щал.

От этой мысли становится душно. Сердце колотится так, что, кажется, он его слышит. Я резко, почти болезненно, отворачиваюсь к окну, уставившись в темноту горящим от стыда и возбуждения взглядом, чувствуя, как по моим внутренностям разливается пожар.

Он ничего не говорит. Машина продолжает нестись по трассе. Мотор рычит под капотом, а в салоне висит гулкое, наэлектризованное минутное молчание. Я смотрю в боковое стекло, стараясь уловить в мелькающей темноте хоть что-то, что отвлечёт от безумия, которое творится у меня внутри.

От Германа исходит жар. Буквально физическая волна, бьющая в левый бок. Я чувствую каждый его вдох, каждое микроскопическое движение. И этот запах... его собственный. От него кружится голова и предательски пульсирует в самом низу живота.

Герман смотрит на дорогу, но напряжение между нами не ослабевает, а лишь сгущается. Его пальцы постукивают по рулю.

— Не переживай, — отвечает он низким, спокойным голосом, и от этого ещё более устрашающим. — Поместится.

Я замираю, чувствуя, как кровь приливает к лицу.

— Твои внутренние мышцы растянутся, — он продолжает, и в его тоне проскальзывает отвратительное, самодовольное знание, — как раз под мой размер.

Он бросает на меня быстрый взгляд, и угол его губ мед-

ленно, мерзко ползёт вверх. Усмешка. Такая же властная и наглая, как и всё в нём. В этот момент мне так ясно представляется настоящая, увесистая дубина в руках и звонкий удар ею по его самоуверенной башке. Чтобы треснуло.

— Я ни о чём таком не думала, — бурчу я, вжимаясь в сиденье и упрямо продолжая смотреть на тёмную ленту асфальта, уходящую в лесную глушь.

Он тихо смеётся. Звук густой, бархатный и полный презрения.

— Не ври, Элла. Я вижу, как ты на меня смотришь. Божовым зрением. Боязливо и жадно. Я чувствую запах твоего возбуждения. Сладкий, пряный. Он витает в этой машине, как дым после выстрела. И знаешь, что он со мной делает? — Он делает паузу, и я невольно задерживаю дыхание. — Он подстёгивает моего внутреннего зверя. Ты одним своим взглядом, одним этим... ароматом бросаешь ему вызов. И ему уже неважно. Ему хочется схватить тебя, повалить, вонзить в тебя клыки и... присвоить. Как можно скорее.

Слова пронзают меня, как дротики. И каждое достигает своей цели. Я чувствую, как сгораю от стыда. От того, что он всё знает. Видит насквозь.

— Ты – животное, — выдыхаю я, почти беззвучно. Силы на гневный крик нет, только на этот шёпот, полный отворачивания и... признания.

И снова смотрю на него. На этот профиль, выточенный из камня. Уголки его губ всё так же подняты. Эта усмешка

сводит меня с ума.

— Ты себе не представляешь, насколько, — отвечает он, и голос его теряет насмешливый оттенок, становясь глухим, напряжённым. — И сейчас... сейчас я просто не могу игнорировать это. Твой запах. Твой вызов. Тебя. Я не знаю, что с этим делать. С этой... потребностью. — Он замолкает, и его взгляд становится отстранённым, будто он смотрит куда-то вглубь себя, на что-то уродливое и неконтролируемое. — Кажется, ты и вправду моё проклятье.

В его словах вдруг звучит не привычная злоба, а усталое, почти потерянное признание. Это задевает что-то глубоко внутри, пробивает броню моего собственного гнева.

— Тогда почему? — спрашиваю я, и мой голос звучит тише. — Почему ты не поставил метку на какой-то другой? На какой-то из ваших... чистокровных. Почему ты позволил этой... связи случиться со мной?

Он резко поворачивает голову. Его глаза, только что погружённые в себя, вспыхивают ледяным, яростным огнём. Он смотрит на меня так, будто я ткнула его в открытую рану.

— Потому что я ждал, — вырывается у него, а слова звучат отрывисто, хрипло. — Я хотел настоящей связи. Не просто физической метки, как делают все в нашем клане. Блок для потомства, договор для силы... Я был готов ждать свою волчицу. Годами. Хоть всю жизнь. Несмотря на то, что наш клан чтит чистокровность, я решил... довериться луне. Судьбе. Инстинкту, чёрт возьми.

Он снова смотрит на дорогу, его челюсть напряжена.

— Но, как видишь, — он бросает в мою сторону короткий, ядовитый взгляд, — из этого не вышло ничего хорошего.

«Ах вот как, *ничего хорошего?*» — вибрируют его слова и отдаются в висках тупой, унижительной болью. Я — это "ничего хорошего"? Я — ошибка, на которую он напоролся, пока ждал свою идеальную сказку?

— Ну так разорви её! — шиплю я, и голос дрожит от нахлынувшей горечи, от обиды, которая пересиливает даже страх. — Разорви эту чёртову связь и катись к своей идеальной, чистокровной волчице! Понятно? Освободи нас обоих!

Он резко давит на тормоза. Машина с визгом резины съезжает на обочину, подбрасывая нас на сиденьях. Локи на заднем сидении с испуганным визгом просыпается и поджимает хвост.

— Не могу, чёрт возьми, не могу я теперь этого сделать! — орёт Герман, и его рёв наполняет салон, становится физически густым и давящим. Он бьёт ладонью по рулю, и пластик трещит. Кажется, сама машина содрогается от его ярости. Локи начинает жалобно, испуганно поскуливать.

— НЕ ОРИ! — ору я в ответ, впиваясь в него взглядом, сама удивляясь своей внезапной смелости. Адреналин и обида творят чудеса. — Локи сейчас обосрётся на твоё сиденье от страха, и я убирать его дерьмо не буду! Ты слышишь? Успокойся!

Герман замирает. Его могучая грудь тяжело вздымается.

Он медленно, очень медленно поворачивает голову ко мне, потом — к Локи, который притих, прижав уши и глядя на нас преданными, полными ужаса глазами. Взгляд Германа — это смесь ярости, абсолютного безумия и какого-то дикого, нелепого недоумения.

— Вот, — говорит он тише, но каждое слово налито тяжестью, — Вот, чёрт возьми, что я получил. Вместо вечной, благородной связи — геморрой на полжизни. Вместо волчицы, которая бы гордо шла рядом... тебя. И твоего трусливого пса, который срёт от одного моего крика. Идиллия, блядь.

Его слова режут без ножа. Я — помеха для его высокомерного, идеального мира.

— Ненавижу тебя, — шепчу я, отворачиваясь к окну.

Лес за стеклом плывёт в слепых, чёрных пятнах. И чувствую — подступает ком к горлу, а глаза начинают предательски жечь. *Чёрт, чёрт, чёрт.* Эти тупые слёзы. Сейчас они прольются, и он это увидит. И это будет последней, самой унижительной каплей. Никогда меня так ещё не унижали. Никто не заставлял чувствовать себя настолько грязной, ненужной ошибкой, браком, который нельзя вернуть. И как, КАК после всего этого во мне ещё может гореть этот постыдный интерес к нему? Он — чудовище. Настоящее, первобытное чудовище в дорогом костюме и кожаном салоне.

Тишина в машине становится тяжёлой и даже Локи перестаёт скулить. Только тяжёлое, сдавленное дыхание Германа нарушает её.

Потом он вздыхает. Длинно, с надрывом, будто выпуская из себя всю ярость, весь пар. И когда он снова начинает говорить, его голос звучит иначе. Глухо, устало, без злобы, но с какой-то... неотвратимостью.

— Я правда не могу теперь ничего с этим сделать, — говорит он, глядя прямо на тёмную дорогу. — Ни разорвать, ни выжечь, ни забыть. Теперь... теперь я буду хотеть только тебя. Только твой запах, твой смех, твоё едкое, колючее хамство. Я буду просыпаться и засыпать с мыслью о тебе. И поверь мне, Элла, — он бросает на меня быстрый, пронзительный взгляд, в котором горит что-то безнадёжное, — нет никакого способа от этого избавиться. Ни для тебя. Ни для меня. Даже твоя смерть не принесёт облегчения. Скорее, я сдохну вслед. Потому что ты теперь... моё проклятие. Поняла?

Он издаёт короткий, горький смешок, в котором нет ни капли веселья.

— Вот такой ироничный подарок судьбы. Тот, кто хотел истинной, божественной связи с волчицей... получает её. Но с полукровкой. С строптивой, несчастной, человеческой девочкой, которая боится собственной природы.

Он поворачивается ко мне. Его лицо в полумраке салона кажется жёстким, решительным, и каким-то... безрадостным.

— Но что есть, то есть. Я принимаю это. Принимаю тебя. Теперь ты — моя. Не идеальная. Не желанная изначально. Но

— моя. И нам обоим придётся с этим смириться. Потому что это работает в обе стороны. Ты тоже уже не сможешь избавиться от меня. Никогда. Даже если будешь кричать о ненависти и плакать у окна. Твоя душа, твоя кровь... они уже тянутся ко мне. Как и мои — к тебе. Это — данность. Наша общая клетка.

Он снова заводит двигатель. Рычание мотора звучит приглушённо, покорно. Машина плавно съезжает на асфальт и набирает скорость.

Мы молчим.

Молчим долго, тяжело, почти осязаемо. Мотор гудит ровно, за окном мелькают редкие одинокие огни. Локи, успокоившись, снова сопит на заднем сидении. В салоне висит эта странная, новая тишина — не враждебная, но и не мирная. Скорее... фатальная..

Чтобы разбить это гнетущее молчание, чтобы хоть как-то уколоть его, вернуть себе крупицу контроля, я поворачиваю голову. Его профиль в свете приборной панели всё такой же суровый и неприступный.

— И сколько тебе, альфа-динозавру, лет, если не секрет? — спрашиваю я, и мой голос звучит нарочито небрежно.

Он медленно поворачивает голову. Его взгляд — холодный, оценивающий, полный такого безразличного превосходства, будто он смотрит не на человека, а на назойливого жука, ползущего по его дорогой обивке.

— Я же говорю — хамка, — произносит он низко, без инто-

нации. — Маленькая, ядовитая заноза. Которую я рано или поздно вытащу и поставлю на место. И, признаться, — в его голосе вдруг проскальзывает знакомый, опасный, бархатный оттенок, — я уже в предвкушении, как вытрахаю из твоего едкого, милого ротика всю эту дерзость. До последнего язвительного словечка.

Я фыркаю, снова отворачиваясь к окну, но щёки предательски горят.

— На правду не обижаются.

Он издаёт короткий, резкий, почти истеричный смешок.

— Так сколько?

— Тридцать пять.

Я не могу сдержаться и закатываю глаза так, что, кажется, они заходят на лоб. Девятнадцать. И тридцать пять. Шестнадцать лет разницы. Целая пропасть. Целая жизнь, которую он прожил, пока я росла.

«Динозавр», — мысленно повторяю я с горьким удовлетворением. Была же права.

— Помрёшь быстрее, — бросаю я в пространство, косо поглядывая на него. Усмешка сама собой тянет уголки губ. Пусть знает.

И тут происходит нечто неожиданное.

Он запрокидывает голову назад и заливается смехом. Настоящим, громким, грудным хохотом, который сотрясает его широкие плечи и заполняет весь салон. Он смеётся так искренне, так заразительно, что у него на глазах выступают

слёзы. И, бог мой, я не могу отвести взгляд. В этом смехе нет злобы, нет насмешки. Есть что-то дикое, свободное и... живое. Я застываю, замороженная этой внезапной трансформацией. Он прекрасен, когда смеётся. Опасно, невыносимо прекрасен.

— Господи... — выдыхает он, утирая пальцем уголок глаза. — Не знаю, откуда у Белова такая дочь, но, чёрт побери... Кажется, я умру быстрее не от возраста, а от того, насколько ты абсурдна! Токсичный, очаровательный абсурд. — Он качает головой, и смех постепенно сходит на нет, оставляя на его лице лёгкую, уставшую улыбку. — Но если уж завела речь о смерти... я — оборотень. Старею и живу иначе. Так что эта пропасть очень скоро станет просто... незаметной ступенькой.

Я фыркаю, не достаивая это ответом. Всё, разговор окончен. Он задрал. Пусть молчит и везёт. Я упираюсь лбом в холодное стекло и закрываю глаза, пытаюсь отгородиться от его присутствия, от его смеха, от всего.

Машина едет ещё с полчаса, сворачивая с широкой трассы на более узкие дороги, потом на гравийку. Шум меняется. Я открываю глаза.

Мы въезжаем в посёлок. Совсем не такой, как я представляла. Никаких бетонных коробок, стальных и стеклянных конструкций, в духе холодного, стерильного модерна, который так любит отец. Здесь всё иначе.

По обе стороны улочки, освещённой старомодными фона-

рями с тёплым жёлтым светом, стоят дома. Настоящие, большие дома из тёмного, лакированного бревна или массивного бруса. У некоторых – резные наличники, у других – просторные террасы. Крыши крутые, чтобы снег не задерживался, из тёмной черепицы или дранки. Сквозь большие, панорамные окна виден уютный свет, отсветы каминов. Чувствуется запах дерева, даже сквозь стекло машины. Это не бедность. Это... стиль. Осознанный, дорогой, какой-то первозданный и укоренённый. Эко-поселение для тех, у кого есть деньги и вкус отвергать городской шик. Для тех, кто хочет быть ближе к лесу. К своей природе.

Машина Германа, эта блестящая городская хищница, кажется здесь немного чужеродной, но в то же время... она здесь своя. Как и он сам. Могучий, современный, но с корнями, уходящими в ту самую темноту, что окружает этот посёлок плотным кольцом сосен.

Снег хрустит под колёсами, и мы останавливаемся.

Перед нами дом. Огромный, из массивного тёмного бруса, в два этажа, с широкой крышей, на которой лежат шапки пушистого снега. Невысокий забор из камня. Как будто здесь нечего скрывать. Или как будто скрывать здесь уже не от кого.

— Приехали, — говорит Герман. Его голос звучит в тишине резко. Он поворачивается ко мне, и его голубые глаза в полумраке светятся холодным, отчуждённым светом. — Добро пожаловать в свою новую клетку. И постарайся... —

его взгляд скользит к Локи, — чтобы твой пёс не сильно обосрался у меня дома. А то придётся убирать тебе самой. На коленях. Тряпкой.

Сердце ёкает от злости. *Он специально. Всегда специально.*

— Да пошёл ты, — выдыхаю я, и, не сдержавшись, показываю ему язык. Детский, дурацкий жест, но чертовски удовлетворительный. Я вижу, как его бровь дёргается.

Не дожидаясь, пока он обойдёт машину и сделает вид, что помогает даме выйти (какая ирония!), я резко толкаю дверь и вываливаюсь в снег. Холод сразу обжигает щёки. За мной выпрыгивает Локи, трясёт шерстью, потягивается и с любопытством обнюхивает незнакомую территорию.

Да, дружок, пока мы с этим тираном орали друг на друга, ты сладко спал на сиденье с подогревом. Повезло тебе.

Герман тем временем грубо вытаскивает мой чемодан из багажника. Он ставит его на снег, и его нос, тот самый, гордый и прямой, заметно морщится.

— Надеюсь, ты там не притащила какую-нибудь... падаль? — спрашивает он, глядя на меня с отвращением. — Или свои вонючие кроссовки? Запах будет въедаться в дерево на года. Я это чувствую уже сейчас.

Вспоминаю, как впопыхах засунула в чемодан всё подряд, включая те самые кроссовки, в которых мы с Локи вчера гуляли. Уголки губ сами ползут вверх.

— Всё под контролем, альфа, — заявляю я сладким голосом. — Ароматерапия для твоего изнеженного обоняния.

Он закатывает глаза с таким видом, будто уже видит всю картину целиком и просто смирился с неизбежным бардаком, который я внесу в его упорядоченную жизнь. Кажется, он хочет что-то ещё сказать, но в этот момент я замечаю — за нами наблюдают.

Из тени дома, с широкой крытой террасы, на нас смотрят. Их несколько. Мужчины и женщины. Они стоят неподвижно, как статуи, и в темноте горят их глаза. Не янтарным огнём, как у стаи отца. У них глаза горят по-разному: у кого-то жёлтым янтарём, у кого-то холодным зелёным светом, у кого-то — голубым. Но все они — оборотни. Чистокровные. Я не вижу ни одного человека, ни одного полукровки. Здесь только они. Их стая. Их клан. Воздух становится гуще, насыщенный этим диким, коллективным присутствием.

Мы с Германом делаем несколько шагов к дому по утоптанной тропинке. Локи жмётся к моим ногам. Взгляды этих людей тяжёлыми гирями ложатся на меня, сканируют, взвешивают, оценивают. Во мне всё сжимается.

И тут из толпы выходит женщина. Высокая, статная, с седыми, убранными в тугой узел волосами и лицом, в котором читается та же железная воля, что и у Германа. Его мать. Должно быть.

— Кого ты привёз в наш дом, сын? — её голос низкий и звучный, а взгляд — острый, и пронзительный, сверлит меня, как дрелью.

Герман открывает рот, чтобы ответить.

— Это моя...

Но он не успевает.

Из-за спины его матери, резким, яростным движением, проталкивается вперёд девушка. Молодая, может, чуть старше меня. Длинные волосы цвета воронова крыла, собранные в сложную косу, падают на спину. Её фигура гибкая и сильная, как у хищницы. И её глаза... её глаза, тёмные и огромные, горят таким чистым, неразбавленным зелёным светом, что становится страшно. Но не это пугает больше всего. Пугает её взгляд. Он не просто настороженный. Он враждебный. Звериный. Полный такой лютой, первобытной ненависти, что у меня по спине пробегает холодный пот.

И эта девушка – эта волчица – делает рывок. Не ко мне. К Герману.

С дикой скоростью она оказывается перед ним, её руки впиваются в его плечи, и она буквально бросается на него, прижимаясь всем телом. Её губы жадно, почти отчаянно находят его губы в поцелуе, который кажется не столько нежным, сколько... заявляющим права. Будто она делала это тысячу раз. Будто это её законная территория.

И Герман... замирает. Я вижу, как его плечи напрягаются, как его руки остаются висящими вдоль тела, не обнимая её, не отталкивая. Он шокирован. Ошеломлён. Это написано на каждом мускуле его лица.

А у меня внутри всё обрывается. Сердце – эта глупая, предательская мышца – сжимается в один тугой, болезненный

комом. Боль острая, неожиданная и постыдная. Я чувствую, как кровь отливает от лица. И я не могу отвести взгляд от этой сцены.

Но, через силу... мне удаётся оторваться от этого ужасного зрелища. Бросаю взгляд на остальных – на его мать, на других оборотней, стоящих на террасе, – вижу то же самое. Шок. Недоумение. Смущение. Их лица не выражают одобрения. Они смотрят на эту девушку так, будто она нарушила какой-то древний, незыблемый закон.

Что... что, чёрт возьми, сейчас происходит?

Дорогие читатели!

С 8 Марта вас! ## Пусть сегодня холодильник магическим образом заполняется вкусняшками, дети/котики/кактусы ведут себя как запрограммированные ангелы, а чашка кофе остаётся горячей ровно столько, сколько нужно для полного счастья! ##

Пусть цветы дарят не только вам, но и... вашему WiFi-роутеру (чтобы связь не подводила в нужные моменты)! ##☆☆
А ещё желаю, чтобы хоть сегодня утюг, пылесос и стиральная машина собрали профсоюз и решили: «Отдыхаем! Хозяйка тоже человек!». ##

Вы – не просто прекрасные. Вы – космического уровня крутые! #####

С праздником! Пусть весна в душе танцует калинку-малинку даже в понедельник! #####

»»————— ✱ —————«««

Приглашаю вас в ещё одну крутую историю нашего моба:

"Ты пламя в моей тьме" от Юлии Кажановой ##

<https://litnet.com/shrt/O6jD>

Глава 11. Элла

Время будто застывает в ледяном оазисе. Звук хрустящего снега под моими ботинками, тихое дыхание Локи у ноги – всё это растворяется в гулком гуле крови в ушах. Я смотрю, как её пальцы впиваются в ткань его пальто, как её тело прилипает к его, и чувствую, как что-то рвётся у меня внутри. Что-то глупое, зародившееся в салоне машины под звуки его смеха с этими... обжигающими поцелуями.

А потом время летит вперёд.

Герман отрывается от неё одним резким, мощным движением плеч, будто сбрасывая с себя тяжёлую тушу. Звук негромкий, но отчётливый – шорох ткани и лёгкий всхлип.

— Кристина! Что ты себе позволяешь?! — его голос прорывается низким, звериным рёвом. Он не кричит. Он рычит. Это звук, исходящий из самой глубины груди, вибрирующий в холодном воздухе и заставляющий мелко дрожать мои колени.

Девушка – Кристина – отшатывается, но не падает. Её прекрасное лицо искажает гримаса боли и ярости. Зелёные глаза, всё ещё пылающие, сверлят уже не его, а меня. Мне кажется, ещё чуть-чуть, и она вцепится мне в глотку.

— Все эти три года... — её голос дрожит, срывается на хриплый шёпот, полный горького яда. — Для тебя они ничего не значили? Я ждала. Я была рядом. А ты... увидел *эту*? Какого-то че

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.